

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ПРОБЛЕМА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА:
ЭВОЛЮЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 02031301
Ночевка Екатерины Игоревны

Научный руководитель
д.филол.н., профессор
Липич В.В.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СПЕЦИФИКА РАССМОТРЕНИЯ ТЕМЫ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	
1.1. Репрезентация образа «маленького человека» в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель».....	7
1.2. Новаторство Н.В. Гоголя в раскрытии темы «маленького человека».....	19
ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ТЕМЫ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ «НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ»	
2.1. Трансформация типа «маленького человека» в русской литературе 1840-х годов (на материале произведений А. Д. Галахова, И.И. Панаева, Я.П. Буткова).....	31
2.2. «Маленький человек» и проблема бедности в раннем творчестве Ф.М. Достоевского.....	45
ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	
3.1 «Маленький человек» как типический герой в рассказах А.П. Чехова.....	58
3.2. Художественные отголоски проблемы «маленького человека» в русской литературе первых десятилетий XX века.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	83
ПРИЛОЖЕНИЕ	89

ВВЕДЕНИЕ

Мифологема «маленький человек» применяется к типу литературных героев эпохи реализма, обычно располагающихся на довольно низкой ступени социальной лестницы: мелкий чиновник, мещанин или даже бедный дворянин. Образ «маленького человека» с расширением демократичности литературы становился все актуальнее. Ни одно исследование литературы становилось посвященное «Станционному зрителю» и «Медному всаднику» А.С. Пушкина, «Петербургским повестям» Н.В. Гоголя, ранним произведениям Ф.М. Достоевского, творчеству писателей «натуральной школы» 40-50-х годов XIX века, рассказам А.П. Чехова не обходилось без упоминания «бедного чиновника», страдающего от несправедливости окружающей его действительности.

В XIX-начале XX века понятие «маленький человек» трактовалось довольно широко. Писатели не вкладывали в него тот смысл, который будет закреплён за ним позже. Только в советском литературоведении мифологема «маленький человек» стала тождественной мелкому петербургскому чиновнику. Это, прежде всего, чиновник николаевского периода. Затем социальный адрес его расширился, и «маленький человек» начал пониматься как вообще человек бедный, занимающий низкие ступени в социальной иерархии.

Социальным источником для развития в русской словесности образа «маленького человека», несомненно, явилось третье сословие, состоявшее из различного рода обедневших дворян, бывших студентов и семинаристов, а позже и мещан, стремящихся утвердиться в статусе благополучных и благонадежных граждан, посредством приобретения дворянства.

Актуальность избранной темы дипломной работы определяется реалиями времени, тем, что даже в современных условиях тема «маленького человека» является животрепещущей и злободневной. Отражение жизни простого человека со всеми его переживаниями, проблемами, бедами и

маленькими радостями – основная задача писателей, поднимавших данную проблему. В каждой эпохе были, есть и будут такие «маленькие люди», которые зачастую оказываются морально выше людей, занимающих лучшее положение в социуме. Определить, все ли «маленькие люди» – «бедные люди» и установить авторское отношение к синонимичному или «антонимичному» ряду «маленький» («бедный») герой, можно только при условии, трактовки бедности не столько с вершин материальной (экономической) категории, но и как духовную, моральную, соотнося ее с традиционным видением.

Цель работы – проследить эволюцию темы «маленького человека» в произведениях русских писателей XIX-первых десятилетий XX века.

Объект исследования – произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, писателей «натуральной школы» (И.И. Панаева, А. Д. Галахова, Я.П. Буткова), Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, писателей XX века (М. Зощенко, Н. Тэффи, В.М. Шукшина).

Предмет исследования – образ «маленького человека» как тип литературного героя в русской литературе XIX века.

Гипотеза: предполагается, что изучение темы «маленького человека» будет эффективно при условии:

- изучения литературных произведений и литературно-критических работ авторов XIX века и современных литературоведов;
- логической трактовки проблемы, поставленной каждым из рассматриваемых авторов в их произведениях;
- интерпретации развития образа «маленького человека» и его трансформации на протяжении XIX-первых десятилетий XX века.

В соответствии с целью и гипотезой исследования были поставлены следующие **задачи:**

- изучить понятие «маленький человек», выявить характерные особенности литературных героев, принадлежащих к данному типу;

- проследить эволюцию образа «маленького человека» на материале произведений русских писателей на протяжении XIX-первых десятилетий XX века.

- выявить обусловленность возникновения в истории русской литературы XIX-начала XX века феномена «маленького человека»;

- проследить типологическую парадигму «маленького человека» в произведениях писателей XIX-первых десятилетий XX века;

- изучить проблематику социальных предпосылок и интерпретировать их в русле рассматриваемой проблемы.

Методы исследования:

- сравнительно-типологический;

- культурно-исторический;

- жанрово-тематический;

- сопоставительный.

Методологической основой дипломной работы стали труды известных отечественных ученых: А.Н. Пыпина, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Н.Я. Берковского, В.В. Ермилова, А.Г. Цейтлина, В.В. Виноградова, М.Б. Храпченко, Г.П. Макогоненко, В.И. Кулешова, Г.А. Гуковского, В.С. Белькинда, Э.Г. Багирова, Ю.И. Сохрякова, В.М. Марковича, В.Е. Ветловской, Ю.В. Манна, В.А. Воропаева, И.Л. Волгина и др.

Теоретическая значимость данной дипломной работы состоит в определении понятия «маленький человек», изучении особенностей данного типа, рассмотрения преемственности и литературной традиции писателей XIX-первых десятилетий XX века.

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы в школьной практике, на уроках литературы, русской словесности, внеклассного чтения и факультативных занятиях по изучению творчества писателей XIX-первых десятилетий XX века.

Структура дипломной работы: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и методического приложения.

Основные положения дипломной работы отражены в докладах на конференциях, а также в трех авторских публикациях по теме исследования: «Репрезентация образа «маленького человека» на материале повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель», «Реалистическая трансформация образа «маленького человека» на материале романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», «Маленький человек» как типический герой в рассказах А.П. Чехова».

ГЛАВА 1. СПЕЦИФИКА РАССМОТРЕНИЯ ТЕМЫ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

1.1. Репрезентация образа «маленького человека» в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель»

Вероятнее всего тот факт, что впервые определение «маленький человек» в употребление ввел В.Г. Белинский в своей статье «Горе от ума» (1840 г.) при анализе образа городничего в гоголевском «Ревизоре»: «Сделайся наш городничий генералом – и, когда он живет в уездном городе, горе маленькому человеку, если он, считающий себя «не имеющим чести быть знакомым с г. генералом», не поклонится ему или на балу не уступит место, хотя бы этот маленький человек готовился быть великим человеком!.., тогда из комедии могла бы выйти трагедия для «маленького человека» [Белинский: 1979, 226].

В свою очередь, первооткрывателем мира «маленьких людей» из числа писателей был Н.М. Карамзин, который положил начало огромному циклу произведений русской литературы о «маленьких людях» и ввел читателей в эту непростую проблему. «Карамзиным началась новая эпоха русской литературы» – утверждал Белинский [Белинский: 1984, 6]. И это, действительно, было так. Ведь именно Карамзин обратил внимание общества на столь обширную проблему, которая была актуальной во все времена. Эпоха Карамзина, прежде всего, характеризовалась тем, что литература приобрела влияние на общество, она стала для читателей «учебником жизни», то есть тем, на чем основывалась слава русской литературы XIX века. В дальнейшем, более обширное объяснение феномену «маленького человека», в том числе и социально-историческое, выдвигали величайшие русские писатели.

В XIX в. в русской литературе тема «маленького человека» стала разворачиваться, по большому счету, в русле повествования о бедном, слабом чиновнике. При этом происходила эволюция центрального персонажа, переосмысление мотивов его поведения.

Почти всегда особое внимание окружающих не привлекали забытые, всеми униженные люди. Их существование, их крошечные и редкие моменты счастья и неподъемные горести мнятся всем несущественными, недостойными внимания. Подобных людей и такое к ним отношение производила эпоха. Но именно эти люди, зачастую, по воле обстоятельств, повинувшись крику души, стремились бороться против сильных мира сего, взывать к справедливости, прекращали быть «ветошкой». Поэтому, все-таки, их жизнью заинтересовались, писатели постепенно начали уделять внимание в своих произведениях некоторым сценам из жизни таких героев. С каждым произведением все яснее и правдивее показывалась жизнь людей «низшего класса». Маленькие чиновники, станционные смотрители, сошедшие с ума не по своей воле, начали выходить из тени.

К последователям величайшего сентименталиста Н.М. Карамзина можно отнести А.С. Пушкина, который в своем историческом романе «Арап Петра Великого», поэме «Медный всадник» и повестях «Станционный смотритель», «Гробовщик», входящих в цикл «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», более глубоко проник в сущность данного образа.

Более подробно останавливаясь на «Повестях Белкина», можно отметить, что произведение явилось полемическим откликом А.С. Пушкина на основные течения современной ему русской прозы. Правдивостью изображения, глубоким проникновением в характер человека, отсутствием всякого дидактизма, «Станционный смотритель» А.С. Пушкина ограничил влияние сентиментально-дидактической повести о «маленьком человеке» образца «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина. Идеализированные образы, нарочито созданные в дидактических целях сюжетные ситуации

сентиментальной повести сменяются реальными типами и бытовыми картинками, изображением подлинных радостей и горестей жизни. Глубокий гуманизм повести А.С. Пушкина противопоставлен отвлеченной чувствительности сентиментальной повести. Манерный, впадающий в нравоучительную риторику язык сентиментальной повести уступает место простому и бесхитрому повествованию, вроде рассказа старика смотрителя о его дочери Дуне. Реализм приходит на смену сентиментализму в русской прозе. В круг внимания автора вошла необъятная Россия, жизнь деревень и бедняков, а Петербург и Москва, в свою очередь, демонстрировались не только сквозь призму роскошных «парадных», но и через дверцы покосившихся домов.

Репрезентативное выражение писателями характерной специфики образа жизни, поведенческих и моральных особенностей «маленьких людей» отчасти трансформировалось на протяжении XIX-XX веков. В историко-литературном контексте прослеживается реалистическая тенденция сочувствия героям, принадлежащим именно к этому типу.

Кто же такой «маленький человек»? Просто бедняк или это понятие включает в себя нечто большее? Этот человек мал именно в социальном плане, так как занимает одну из нижних ступенек иерархической лестницы. «Маленький» он также потому, что духовный мир его чрезвычайно беден и не отличается претенциозностью, а желания подавляются страхами и бесчисленными табу. Для данного типа практически полностью отсутствуют проблемы философского и исторического характера, он пребывает в неведении, ограничиваясь довольно узким кругом своих интересов и инстинктов. Отсутствие амбициозности, узость мышления, личностная пассивность и общий уровень социальных притязаний – вот отличительные характерологические черты типического образа.

Анализируя высказывания подавляющего большинства литературоведов, имеются основания утверждать, что «маленький человек» –

это социально-психологический тип людей, ощущающих себя ничтожными перед сильными мира сего, доведенные своей жизнью и внешними обстоятельствами до отчаяния. В их крошечном мирке существует негласная традиция чиновничества, соответственно, Самсон Вырин, являлся человеком, к которому обращаются лишь в случае острой необходимости. Смотритель не в состоянии испытывать трепет, благоговение и даже страх перед людьми, имеющими более высокий социальный статус.

Избрание Пушкиным станционного смотрителя в качестве главного героя является вполне закономерным, ведь в 1820-х годах в русской литературе, как известно, возникает достаточное количество нравоописательных очерков, рассказов, действующими лицами которых оказываются люди «низшего класса». Кроме того, возрождается жанр путешествий, а в журналах с завидной частотой возникают стихотворения, поэмы, очерки, внимание в которых сосредоточено не только на пейзажных описаниях местности, но и на знакомствах и продолжительных беседах со станционными смотрителями.

В монологе, предваряющем повествование «Станционного смотрителя», можно с легкостью проследить некоторую небрежность и презрительность по отношению к младшим чинам: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда... Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время

скучной езды, путешественник вымещает на зрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут – а виноват зритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если скоро удастся ему избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей? боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца... Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием» [Пушкин, 1967: 38]. Именно в этом так называемом предисловии, полном изобразительно-выразительных средств, стилистически и лексически обширном, наиболее ярко выражается взгляд свысока со стороны проезжающих мимо чиновников.

Но далее прослеживается также защита зрителей от нападков, и это уже разительно иная речь, иная точка зрения, которая отражается в переходных фразах, позволяющих читателю переживать и вникать в непростой эпизод из жизни Вырина: «Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия зрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна» [Пушкин, 1967: 38].

Именно Самсон Вырин и является этим «приятелем», что неслучайно, так как он являет собой смиренного, покорного «маленького человека», который, одновременно с кротостью, искренне радуется мелочам и ищет счастье в простых моментах. Поначалу он предстает перед нами как человек, окружающий себя маленькими незамысловатыми вещами для комфорта, находящийся на своем месте, весь вид которого подтверждает его жизненную позицию.

Примечателен тот факт, что в повести отчетливо выделяются три приезда рассказчика, перерыв между которыми составляет несколько лет; данное разделение контролирует весь ход повествования. В этих условных

частях, как и во введении, события описываются непосредственно рассказчиком. Но во второй, основополагающей части отчетливо звучат слова самого Вырина. Фраза рассказчика: «Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним сочувствием» [Пушкин, 1967: 42] обобщает, неуловимо отмечая тяжелую жизнь и незавидное положение станционного смотрителя не определенного тракта, а всех, во всякое время года, дня и ночи. Взволнованные строки с риторическими вопросами («кто не проклинал...», «кто в минуту гнева?» и т.д.), перемежающиеся просьбой быть справедливее, войдя в положение «сущего мученика четырнадцатого класса», позволяют осознать, что Пушкин сочувственно говорит о нелегкой участи этих людей.

Первая встреча в 1816 году описана рассказчиком с явной симпатией к отцу, к дочери-красавице Дуне, их налаженной жизни. Безусловно, самым большим подарком судьбы смотритель считает Дуню, лучезарный облик которой помогает отцу приспособиться к непростой «маленькой» судьбе, покориться тяготам, выпадающим на их долю. Ведь не кто иной, как она, сглаживает все конфликты, неизбежно возникающие между отцом и проезжающими чиновниками, и наполняет существование Вырина смыслом. Вследствие этого, побег Дуни становится для Самсона настоящим ударом, поразившим его до глубины души – ведь нарушилась целостность оболочки, защитного механизма, выстраиваемого годами. В силу того, что им утратилось самое дорогое, его смысл жизни, смотритель морально сломался и оказался не в силах защищать самого себя и свое фактически бесправное положение, выразившееся в прямом конфликте между ним и молодым гусаром, увезшим Дуню. Рассказ о бесплодных попытках Вырина бороться с Минским, после того как он выпросил отпуск и пешком отправился в Петербург, дан так же скупое, как и рассказ о горе отца, но иными средствами выразительности.

В кульминационные минуты раздора, в решающий момент, праведный гнев и активный протест отошли на задний план, уступив место жалобности и мольбе о милосердии, принимая обиду как неизбежность, наказание судьбы: «От беды не отбожишься, что суждено, тому не миновать» [Пушкин, 1967: 42]. Пушкин до предела обостряет ситуацию, сталкивая лицом к лицу Вырина с его обидчиком. Казалось, наступила та самая решительная минута в жизни человека, когда все накопленные прошлые обиды поднимут его на бунт во имя святой справедливости. Но «...слезы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом произнес только: «Ваше высокоблагородие!.. Сделайте такую божескую милость!» [Пушкин, 1967: 41]. Вместо протеста вылилась мольба, жалкая просьба. Внутренняя слабость Вырина выразилась и в его гибели – не выдержав удара, ставшего роковым, он спился и умер.

Отметим, что одновременно с прегрешениями характера «маленького человека» А.С. Пушкин стремился продемонстрировать и намерения зрителя совершить сильный, бескорыстный поступок, но он все же возвращается за деньгами Минского, немного ранее брошенными в пыль, что в очередной раз подчеркивает слабость духа.

Во время второго приезда рассказчик видит, что «горе превратило доброго мужика в хилого старика». И не ускользнувший от внимания рассказчика вид комнаты, в которой превалируют ветхость и небрежность, и изменившийся облик Вырина – седина, глубокие морщины давно небритого лица, сгорбленная спина, и удивленное восклицание: «Это был точно Самсон Вырин, но как он постарел!» [Пушкин, 1967: 43] – все это свидетельствует о том, что рассказчик симпатизирует старому зрителю и недоумевает по поводу случившихся разительных перемен. В повествовании самого рассказчика мы слышим отголоски чувств и мыслей Вырина-молящего отца («пожимал Дунюшкину руку», «увидел бедную свою Дуню») и Вырина – доверчивого, услужливого и бесправного человека («Жаль было ему расставаться с любезным своим постояльцем», «не понимал, как нашло на

него ослепление», «решился к нему явиться», «доложил его высокоблагородию», что «старый солдат подумал... воротился, но его уже не было», «подумал, махнул рукой и решился отступить») [Пушкин, 1967: 41-43].

Роль самого Вырина выражает его горе и проливает свет на назначение Дуни в доме отца («Его дом держался; что прибрать, что приготовить, за всем успевала», «Бывало, барин, какой бы сердитый не был, при ней утихает и милостиво со мной разговаривает») [Пушкин, 1967: 41-42]. И лексический состав речи Вырина, и построение фраз («та платочком, та сережками», «пообедать, аль отужинать», «уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти») [Пушкин, 1967: 41-43] характеризуют его как человека – заложника своего положения.

Образ Вырина раскрывается перед читателем в семейной трагедии, борьбе отца с Минским за утверждение неких «прав» на близкого им человека – Дуню. Смотритель по-настоящему оскорблен, задеты его отцовские чувства, попрано его незаметное, но все же важное для Самсона чувство собственного достоинства. Развитие событий связано с резкими изменениями в частной жизни героев. Тем не менее, было бы неправильно не видеть в пушкинском конфликте отражение социальных противоречий: частная жизнь определяется правовым, имущественным положением.

Весомость образа «маленького человека» в понимании А.С. Пушкина состояла отнюдь не в изобличении загнанности главного героя, напротив, она заключалась в выявлении сердобольной и чуткой натуры, обладающей способностью отзываться на чужие страдания и боль. Произведение «Станционный смотритель» выделяется среди других литературных творений глубиной, многогранностью и реалистичностью повествования, отличающегося разноплановостью условий социального характера, сословных и психологических различий.

Подчеркнем, что посвящение повести «маленькому человеку», с точки зрения Пушкина, выражает намерения автора продемонстрировать право любого человека, независимо от его социального статуса и положения в обществе, на человеческие отношения, чувства и эмоции. Исходя из этого, мы можем проследить двойственность отношения писателя к своему герою – позиционно Пушкин выказывает свое несогласие с образом жизни Вырина, упрекая его в слабых характеристиках и односторонности мышления, но параллельно автор обозначает и свое сочувствие, и призывает к сочувствию читателей, не клеймя и не презирая Самсона. Но в то же время Пушкин не демонстрирует среди черт характера зрителя чувство долга, ответственность и осознание собственной вины. Все это практически неведомо «маленькому человеку» – он «держится» за свое место, стараясь угодить более сильным людям, и выполняет свою работу очень трепетно, но вместе с тем зажат.

При прочтении повести возникает острое ощущение поиска правды и справедливости в жизни, проявление сострадания к «маленькому человеку», судьба которого ежедневно подвержена всякого рода унижениям, оскорблениям и притеснениям со стороны «высших чинов». Судьба «маленького человека» находится в центре внимания автора и сопереживание – не только исходный, но и окончательный элемент отношения Пушкина к своим героям. Оно выражено и во вступлении, и в каждом из трех эпизодов, из которых последние два являются прямым противопоставлением первому, но при этом каждая из трех частей повести окрашена в различные эмоциональные тона.

Но одностороннее мышление зрителя – это, в первую очередь, результат жизненной рутины, поскольку привыкший к подобному отношению к себе Вырин не в состоянии осознать, что счастье дочери с гусаром возможно. Но его мысли занимают лишь раздумья о порочности и неприемлемости подобных «разноклассовых» отношений.

Вероятнее всего тот факт, что стационарный зритель впервые в своей многострадальной жизни самостоятельно принял судьбоносное решение, которое могло перевернуть его мировоззренческую позицию и в корне изменить действительность – найти правду и справедливость в этом грешном мире. Но он не в состоянии обрести эту самую правду, также как впоследствии не в состоянии выдержать горя и страданий, выпавших на его тяжелую долю «мученика четырнадцатого класса». Однако в центре повести Пушкина находятся не взаимоотношения соблазителя и несчастной жертвы, а трагедия третьего персонажа. Выбор именно этого ракурса, а также тот факт, что виновника и жертву связывает глубокое и взаимное чувство были новаторскими. Этой же точки зрения придерживается В.Э. Вацуро: «Парадокс «Стационарного зрителя» заключался в том, что обольщенная и обольститель оказались счастливы друг с другом. Похищение обернулось не трагедией, а идиллией. Мир, погубивший Самсона Вырина, принес счастье его дочери» [Вацуро: 1994, 36]. Особого внимания, по мнению Вацуро, заслуживает заключительная сцена повести: «Как и другие пушкинские концовки, эта сцена – сложный и очень емкий «литературный жест», как бы сводящий в единый фокус контрасты и конфликты повести: богатство и нищета, счастливая семья и одинокая смерть, затерянная могила и проезжающая мимо нее «барыня», мучимая чувством вины, – все это неразрывные звенья единой цепи жестких и жестоких социальных закономерностей, управляющих современным Пушкину обществом» [Вацуро: 1994, 39]. Стоит отметить, что в отечественном литературоведении до сих пор отсутствует единый взгляд на «Повести Белкина» А.С. Пушкина. Не вполне оправданная недооцененность прозы А.С. Пушкина в критике XIX века замедлила процесс сравнительно-исторического изучения типа «маленького человека». В советском пушкиноведении имеются работы, в которых рассматривается этот вопрос, однако сопоставительное изучение художественной системы прозы А.С. Пушкина в соотношении с творчеством

позднейших, следующих за ним авторов (в частности, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского) – проблема во многом еще не решенная. «Это большая задача, как одна из важнейших, стоит перед нашим пушкиноведением» [Белькинд: 1968, 142].

С.Г. Бочаров характеризует их «загадочными» и считает «пробным камнем литературоведческой и критической интерпретации» [Бочаров: 1985, 35], Е.Н Купреянова говорит, что «беда Самсона Вырина, с точки зрения социологического подхода, определяется его низким общественным положением, бесправием и, как следствие этого, финальным одиночеством. Перед нами – трагедия униженного человека, подавленного системой, при которой любой проезжий гусар считает себя вправе забрать самое дорогое» [Купреянова: 1981, 288]. На социальную природу конфликта указывает Н.Я Берковский: «Самсона Вырина Пушкин изображает с сочувственным вживанием в его социальную личность, с точностью во всем, что отмечает, как поставлен он в служебном, общественном мире» [Берковский: 1963, 329].

Существует и другое прочтение, при котором на первое место выходит несчастье духовное, семейное. Так В.С. Белькинд в статье «Образ маленького человека у Пушкина и Достоевского» говорит, прежде всего, о драме личностной: «У Пушкина в «Станционном смотрителе» образ Вырина раскрывается в семейной трагедии. Смотритель оскорблен в своих отцовских чувствах, попорано его человеческое достоинство. Борьба Вырина с Минским идет за утверждение права на близкого человека. Развитие событий связано с резкими изменениями в частной жизни героев. Тем не менее, было бы неправильно не видеть в пушкинском конфликте отражение социальных противоречий: частная жизнь определяется правовым, имущественным положением» [Белькинд, 1968: 142].

А.С. Пушкин выдвигает демократическую направленность темы «маленького человека». В своей критической статье «Художественная проза Пушкина» литературовед С.М. Петров выдвигает следующее утверждение:

«Повести Белкина» явились в печати первым реалистическим произведением русской прозы. Наряду с традиционной тематикой из дворянско-усадебного быта («Барышня-крестьянка»), Пушкин выдвигает в них демократическую тему маленького человека (повесть «Станционный смотритель»), предваряющую собой «Шинель» Н.В. Гоголя» [Петров: 1960, 6].

Наглядная демонстрация неизбежного и естественного удела «маленького человека» позволяет отметить, что герою открыто многое, но лишь небольшая часть воспринимается им; он стремится к облегчению земной участи, но лишь навлекает на себя еще большее страдание; стремясь к благу, не избегает греха; уходит из жизни глубоко подавленный и в ожидании высшего суда; сама смерть оказывается для него желанней жизни.

Вопрос о поведении человека в повести «Станционный смотритель» поставлен остро и драматично. Смирение, показывает Пушкин, унижает человека, делает жизнь бессмысленной, вытравливает из души гордость, достоинство, независимость, превращает человека в добровольного раба, в покорную ударам судьбы жертву.

Впервые русская литература так пронзительно и наглядно показала искажение личности враждебной ей средой. Оказалось возможным не только драматически изобразить противоречивое поведение человека, но и осудить бесчеловечные силы общества. Художественное отношение Пушкина было устремлено в будущее – оно пробивало дорогу в еще неведомое.

В повести, написанной на популярную в 1820-х годах тему о станционном смотрителе, прекрасно продемонстрировано, кто такой коллежский регистратор, а сострадание к нему является решающим элементом отношения автора к своему герою. Выражение широкого обобщения действительности раскрыто в индивидуальном случае трагической истории рядового человека, «мученика четырнадцатого класса» Самсона Вырина.

Судьба станционного зрителя – типичная судьба простого русского человека, чье благополучие в любой момент может быть разрушено грубым вмешательством «сильных мира сего», правящего класса, Пушкин предварил своей повестью Гоголя, Достоевского, Чехова и их героев, сказав свое слово о современниках.

Следует сказать о том, что сам автор, выдвигая проблему «маленького человека», внес свою лепту в ее разрешение, так как своевременное обнаружение важнейшего общественного вопроса – это довольно серьезная часть в борьбе за права и правду «маленьких людей». Герои произведений «Арап Петра Великого», «Медный всадник», «Гробовщик» отразили тему «маленького человека», но подлинное выражение авторской позиции и наиболее удачная попытка обращения внимания общественности на данную проблему нашло именно в «Станционном зрителе». Пушкин подчеркивает, что «ограниченность» Самсона Вырина в большей степени предопределена нравственно-социальными предпосылками и непростыми жизненными условиями. Автор обратил свой взор не на образ коленопреклоненного страдальца, а на судьбу несчастного человека, умеющего радоваться, любить, страдать, и демонстрируя нам его чистую, неиспорченную богатством и благополучием душу.

Таким образом, мы резюмируем, что сословные рамки не дают рассуждениям и действиям станционного зрителя изменить свою судьбу, сделать собственное существование достойным, лишенным страхов и чрезмерного чинопочитания, что приводит к трагичному финалу его жизненного пути.

1.2. Новаторство Н.В. Гоголя в раскрытии темы «маленького человека»

Непосредственным преемником темы «маленького человека» стал Николай Васильевич Гоголь, который в своем цикле «Петербургские

повести» открыл читателю мир «маленьких людей», мир чиновников. А.С. Пушкин своим примером побудил Н.В. Гоголя развить тему, выказать свою позицию и свое видение проблемы.

«Петербургские повести» имеют отличия по характеру от ранее написанных произведений Гоголя. Перед нами предстает чиновный Петербург, столица, в которой кипит великосветская, деловая, коммерческая и трудовая жизнь. А «всеобщей коммуникацией» Петербурга является великолепный Невский проспект, на тротуаре которого все, что живет в Петербурге, оставляет следы свои; «вымещает на нем могущество силы или могущество слабости». И перед читателем возникают образы: пестрая смесь одежд и лиц, картина неутомимой, напряженной жизни столицы.

По сути, Гоголь в самом начале намекает на некий том романтического сочинения, который якобы был приложен в доказательство об оскорблении личности чиновника. Башмачкин, живя в Петербурге и трудясь в департаменте, пребывает в своем таинственном мире ровных «буковок», и делает это с таким упоением, что не замечает ровным счетом ничего – ни издевок товарищей, ни грязной улицы, по которой идет со службы, ни мухи в супе. Вся повесть есть возвращение «блаженного» чиновника на орбиту реальных отношений, в реальный Петербург, который, однако, окончательно мифологизируется, приобретая черты демонического пространства.

Таким образом, в повести выявляются два мира: первый – в котором живет герой до истории с шинелью, второй – в котором пребывают чиновники, полностью противопоставленный первому.

Сатира Гоголя представлена читателю в жесткой и серьезной форме, особенно принимая во внимание тот факт, что средоточие внимания автора составляет опостылевшее ему бюрократическое общество и «...он владеет даром сарказма, который порой заставляет смеяться до судорог, а порой будит презрение, граничащее с ненавистью» [Гоголь, 1969: 163]. Автор вслед за своими предшественниками выступает в оправдание «маленького

человека» – затравленного, бесправного, жалкого чиновника. Акакий Акакиевич в начале повествования представляет собой как будто бы романтического героя, но в отличие от других романтических персонажей, он кажется неуклюжим, нелепым и ничтожным, о нем говорится как о посредственности. Гоголь не отмечает высоты его духа, напротив, ангельские черты искажены: кротость, смиренность, немногословность в кривом зеркале гордыни и самолюбия кажутся достойными одного осмеяния. А поскольку мир Акакия Акакиевича для нас непроницаем, то мы и судим о нем с внешней стороны, хотя бескорыстная добросовестная служба чиновника букве закона в принципе дает основание считать его однозначно положительным героем. Непроницаемость внутреннего мира Башмачкина, его внешняя сторона вскоре материализуются в виде некой вещественной оболочки – шинели.

Самое искреннее, самое теплое и задушевное сочувствие к обездоленному человеку Гоголь высказал в прекрасных строках заключительного рассуждения о судьбе и гибели одной из многих жертв бездушия и произвола: «Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естество наблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу» [Гоголь: 2017, 53].

Содержательным фактом в повести «Шинель» является подбор имени. И это не просто невезение с календарными именами, а именно явление бессмыслицы (поскольку имя противопоставлено личности): он мог быть и Моккием (в переводе «насмешник»), и Соссием («здоровяк»), и Хоздазатом, и Трифилием, и Варахасием, а повторил имя своего отца: «отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий («не делающий зла»)). Эту фразу можно интерпретировать как приговор судьбы: отец был «маленький человек», и для сына уготована такая же участь. Собственно, жизнь, лишённая смысла и

радости, есть лишь умирание для «маленького человека», и он из скромности готов завершить свое существование сразу же, едва появившись на свет. Он родился «против ночи». «Ребенка окрестили, причем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник» [Гоголь: 2017, 7], «...родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове» [Гоголь: 2017, 8]. У него и слов нет, чтобы заявить о себе, так как высказывается только предложениями и частицами; лишь на «невыносимые шутки» чиновников он произносил фразу: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» [Гоголь: 2017, 9].

В.Г. Белинский отметил, что повесть «Шинель» – «одно из глубочайших созданий Гоголя» [Белинский: 2012, 137]. В отличие от Пушкина, Гоголь увидел в своем «маленьком человеке» страдальца, достойного большего сочувствия и сожаления, и именно в его повести звучит протест против угнетения человека, протест против тех общественных порядков, которые поработают человека морально, духовно и материально.

Гоголь достоверно изобразил своего героя в качестве жертвы несправедливой действительности. В «Шинели» трагическое и комическое взаимно дополняют друг друга. Автор сочувствует своему герою, но одновременно с этим не может не замечать его умственную ограниченность и даже подсмеиваться над ним. За все время работы в департаменте Акакий Акакиевич ничуть не продвинулся по служебной лестнице. Гоголь показывает, как односторонен и жалок был тот мир, в котором существовал Акакий Акакиевич, довольствовавшийся убогим жильем, обедом, поношенным мундиром и расплзающейся от старости шинелью.

Однако чиновник обладает «внутренним голосом». Ведь усмехнулся Башмачкин, рассматривая игривую картинку в витрине: «Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу... Акакий Акакиевич

покачнул головой и усмехнулся, и потом пошел своею дорогою» [Гоголь: 2017, 36].

Но у Акакия Акакиевича была своя «поэзия жизни», имевшая такой же приниженный характер, как и вся его жизнь. В переписывании бумаг ему «виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир» [Гоголь: 2017, 10]. Башмачкин все же сохранил человеческое начало. Его робость и смирение окружающие не принимали и всячески издевались над ним, сыпали ему на голову бумажки, а Акакий Акакиевич только и мог, что сказать: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете» [Гоголь: 2017, 9]. История жизни его полна лишений, обездоленности, в то же время новая шинель – символ иной, возрожденной судьбы. Апогеем жизненных переживаний Акакия Акакиевича является его первый приход в департамент в новой шинели и посещение столоначальника. Гоголь дает понять, что и в жизни «маленького человека» есть таинственная глубина, закрытая от внешнего мира, как закрыты друг от друга петербургский внешний мир и неизвестный внутренний мир Башмачкина.

Внешний мир унижает Башмачкина всеми способами, а «идеальная вещь», отделяющая его от всего, – шинель, представительница внутреннего мира Акакия Акакиевича: «...но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее..., согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу...» [Гоголь: 2017, 28]. Шинель – подруга, вот почему утрата ее равносильна утрате всей жизни.

Трудная работа Акакия Акакиевича увенчалась успехом, он попытался доказать людям, что у него есть самомнение. На этой, казалось, вершине благополучия его и постигает катастрофа – двое грабителей снимают с него шинель и отчаяние вызывает у Акакия Акакиевича вялый протест. Добиваясь приема «самого частного» и обращаясь к «значительному лицу», Акакий Акакиевич «раз в жизни захотел показать характер» [Гоголь: 2017, 44].

Гоголь видит несостоятельность возможностей своего героя, но он дает ему шанс противостоять личностным установкам. Но Башмачкин бессилен перед лицом бездушной бюрократической машины и, в конце концов, погибает так же незаметно, как и жил: «Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное...» [Гоголь: 2017, 53]. Но история о бедном чиновнике на этом не кончается. Мы узнаем, что умирающий в горячке Акакий Акакиевич в бреду так бранил «его превосходительство», что старушке хозяйке, которая сидела у постели больного, становилось страшно. Таким образом, перед самой смертью проснулся в душе забитого Башмачкина гнев против людей, погубивших его. И Гоголь показывает нам финал: мертвый Акакий Акакиевич, который при жизни был безропотным и смиренным, теперь является в виде привидения.

Акакий Акакиевич Башмачкин – истинный «маленький человек». Этому утверждению можно привести ряд доказательств.

Во-первых, он находится на одной из самых низких ступеней социальной лестницы и место его в социуме, среди общественности, фактически незаметно и незначительно.

Во-вторых, кругозор его духовной жизни и человеческих интересов до крайности сужен, обеднен, ограничен. Сам Гоголь характеризовал своего героя как жалкого, заурядного, незначительного и незаметного. В жизни ему отведена ничтожная роль переписчика документов одного из департаментов. Воспитанный в атмосфере беспрекословного подчинения и исполнения распоряжений начальства, Акакий Акакиевич Башмачкин не привык размышлять над содержанием и назначением своей работы. Поэтому, когда ему предлагают задания, требующие проявления элементарной сообразительности, он начинает нервничать, переживать и, в конце концов, приходит к выводу: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь» [Гоголь: 2017, 11]. Духовная жизнь Башмачкина тоже ограничена. Собираание денег на новую шинель становится для него смыслом всей его жизни, наполняя ее

счастьем ожидания исполнения заветного желания. Воровство только приобретенной путем страданий и лишений шинели становится для него поистине катастрофой. Окружающие лишь высмеяли его, не помогли решить возникшую проблему и утешить Башмачкина в горе. «Значительное лицо» так накричал на него, что мнительный Акакий Акакиевич потерял сознание.

Несмотря на уникальность образа, созданного писателем, Башмачкин не выглядит в сознании читателей одиноким, и мы представляем, что существовало великое множество таких же униженных, разделяющих удел Акакия Акакиевича. Гоголь был первым среди целой плеяды русских писателей, кто заговорил о трагедии «маленького человека», уважение к которому зависело не от его душевных качеств, не от образования и умственных способностей, а от его положения в обществе. Автор с состраданием репрезентировал несправедливость и предвзятость социума в отношении «маленьких людей» и впервые призвал этот самый социум обратить свое внимание на незаметных, жалких и смешных, как представлялось на первый взгляд, людей.

По окончании повести Гоголь демонстрирует, что в том мире, в котором жил Акакий Акакиевич, герой как человек, как личность, бросающая вызов всему обществу, может жить только после смерти. В.В. Набоков говорил: «Шинель» Гоголя – гротеск и мрачный кошмар, пробивающий черные дыры в смутной картине жизни» [Набоков: 1987, 222].

После появления в феврале 1843 года первого собрания сочинений Гоголя, вокруг новой повести «Шинель» в русской критике разразились горячие споры. Особенно актуальными они сделались после того, как стало понятным, что у Николая Васильевича появились подражатели, последователи того нового, созданного им, по словам Белинского, «реального направления».

По мнению литературоведов, все «маленькие люди» – несчастны, они задавлены средой и вынуждены бунтовать, сходя с ума или умирая; сами же они ни в чем не виноваты, это среда их сделала такими маленькими, жалкими,

ущербными. Большинство ученых XX века сходилось в этом мнении, подчеркивая только социальную значимость повестей.

В «Шинели» как таковой повествуется о самом заурядном и ничтожном человеке, о самых обыденных и непримечательных событиях в его жизни. Повесть оказала большое влияние на направление русской литературы, тема «маленького человека» стала на многие годы одной из преобладающих. Петр Вайль очень верно определил: «Маленький человек» из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему уменьшению не подлежит. Изменения могли идти только в сторону увеличения. Этим и занялись западные последователи нашей классической традиции. Из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров герои Кафки, Беккета, Камю. Советская культура сбросила башмачкинскую шинель – на плечи живого «маленького человека», который никуда, конечно, не делся, просто убрался с идеологической поверхности, умер в литературе» [Вайль: 1992, 228].

В.Е. Ветловская считает: «Маленькие люди», подобные Башмачкину, определялись исключительно как жертвы общества, «пропитанного ложью и обманом». Часто закрепление за «маленьким человеком» статуса «жертвы» приводило к тому, что многие безнравственные поступки других героев 1840-х годов, их «амбиции» оправдывались бедностью, «социальной убогостью». А упадок личности «маленького человека» объясняли чаще неблагоприятным общественным устройством, сомнением в осуществлении братского единения между членами общества, в этом видели и причину явного протеста жалкого героя. В соответствии с этим «маленький человек» рассматривался учеными преимущественно в социальном аспекте, а писатель, рассказывающий о судьбе бедного чиновника, всегда назывался гуманистом, стремящимся разоблачить общество, порождающее таких существ» [Ветловская: 1998, 14].

У Н.В. Гоголя непримечательное существование «маленького человека» сталкивается лицом к лицу со всем окружающим его миром и даже всемирной историей. В надгробном слове Акакию Акакиевичу Гоголь утверждает, что несчастье обрушивается на Башмачкина, «как обрушивалось на царей и повелителей мира...» [Гоголь: 2017, 53].

Литературовед Ю.В. Манн в своей статье «Одно из самых глубочайших созданий Гоголя» пишет: «Нам, конечно, смешна ограниченность Акакия Акакиевича, но мы в то же время видим его незлобливость, видим, что он вообще находится вне эгоистических расчетов, корыстных побуждений, волнующих других людей. Словно перед нами существо не от мира сего» [Манн: 1985, 8].

Действительно, герой Гоголя для читателя остается загадкой. Про него точно известно, что он «маленький». Не добрый, не умный, не благородный. Башмачкин всего лишь биологическая особь. И любить, и жалеть его можно только за то, что он тоже человек, «брат твой», как учит автор.

В этом «тоже» заключалось открытие, которое поклонники и последователи Гоголя часто трактовали превратно. Одни решили, что Башмачкин хороший, что любить его надо за то, что он жертва, в нем много достоинств. И к одному из достоинств можно отнести то, что Акакий Акакиевич вовсе не «смиренький», а способен на своеобразный протест. Перед смертью герой повести «бушует», угрожая в бреду «значительному лицу»: «...даже сквернохульничал, произнося страшные слова, ... тем более что слова эти следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство» [Гоголь: 2017, 52]. После смерти Башмачкин является в образе привидения на петербургские улицы и срывает шинели со «значительных лиц», обвиняя государство, весь его чиновничий аппарат в безличности и равнодушии.

Гоголь нигде не хочет подтвердить или опровергнуть показания своих персонажей, что таинственный мертвец – это Акакий Акакиевич. Для автора

важнее показать, что в жизни зло будет все равно наказано. «В жизни часто торжествует зло – это правда... Чтобы зло оказалось злом, начальник Акакия Акакиевича должен хотя бы на минуту почувствовать, что он не прав. Накажи его Гоголь, вышла бы скучная, нравоучительная сказка. Заставь переродиться – вышла бы ложь», – отметил А.И. Герцен [Герцен: 1988, 315].

Доля фантастики в произведении, а именно, «призрачный образ» Акакия Акакиевича позволяет сделать проекцию на своеобразную гоголевскую «защиту» своего «подопечного», ведь именно фантастические черты несколько смягчают образ, делая его более наивным и беспомощным. А тезис о шинели-подруге и смысле жизни подчеркивают убогость положения Башмачкина и его жизненных ориентиров.

Н.В. Гоголь в «Авторской исповеди» писал: «Я шел той же дорогою. Предмет у меня был всегда тот же: предмет у меня был – жизнь, а не в мечтах воображения, и пришел к тому, кто есть источник жизни» [Гоголь: 1990, 76]. Г.А. Гуковский отмечает: «Идеал Гоголя скрыт в глубине души маленьких, обиденнейших «людишек», жертв жизни...» [Гуковский: 1959, 219].

«Шинель» – крупная веха в творческом пути Н.В. Гоголя, вершина петербургского цикла. Раскрыв трагическую судьбу «маленького человека», повесть эта указала тем самым дорогу последующим писателям в изображении «униженных и оскорбленных».

Выводы по главе 1

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» термин «маленький человек» определяется как «обозначение довольно разнородных героев, объединенных тем, что они занимают одно из низших мест социальной иерархии и что это обстоятельство определяет их психологию и общественное поведение (приниженность, соединенная с ощущением несправедливости, уязвленной гордостью)» [ЛЭТП, 2001].

Появление «маленьких людей» в творчестве писателей 30-40-х годов XIX века литературоведы склонны были объяснять «страшной действительностью николаевской России», «социальной атмосферой», которая определяла характерные черты человека, оказавшегося под воздействием сложных обстоятельств, жизненных противоречий.

Уже в повестях 1830-х годов можно выделить две тенденции в изображении чиновников: первая показывала «бедного человека», обездоленного и обделенного судьбой. Он вызывал сентиментальное сочувствие автора. М.Б. Храпченко отмечает: «Крупнейшую роль в развитии русской литературы сыграли образы маленьких людей, воплощенных Гоголем. Гуманистический пафос – в сочувствии к простому незнатному человеку» [Храпченко: 1993, 419]. Гоголю ставилось в заслугу то, что в повести «Шинель» он первым показал зависимость судьбы героя от его места в иерархической структуре общества.

Вторая тенденция – описание ничтожного существа – представляла собой смешную пародию на человека. Автор стремился обличить и осмеять пороки своего героя. И все же, традиционным для литературоведов был взгляд на проблему «маленького человека» 1840-х годов как на жертву социальной системы, заложника петербургского чиновничьего мира, подчеркивалась его забитость, униженность.

Герои «Станционного смотрителя», «Гробовщика» и «Шинели» близки при всем различии их характеров и самих произведений. Н.В. Гоголь вслед за А.С. Пушкиным развивает тему «маленького человека». Оба художника изображают жизнь бедных людей (Вырина, Прохорова, Башмачкина), относятся к своим героям с огромным сочувствием и состраданием.

Однако гоголевский герой представлен автором во многом иным по сравнению с пушкинским. Гоголь сожалеет, а Пушкин – со стороны, с высоты – показывает, что «маленькие люди» сами виноваты в мизерности своей судьбы. В повести Пушкина взгляд автора другой: дружелюбный,

внимательный, понимающий, но все же взгляд человека, принадлежащего к другому кругу общества.

При исследовании темы Петербурга в творчестве Пушкина и Гоголя Г.П. Макогоненко вывел следующее положение, смежное с темой «маленького человека»: «Социальный реализм обуславливает новое построение Петербурга – это столица Российской империи, город, враждебный бесправному человеку, которым, прежде всего, оказывался маленький чиновник» [Макогоненко, 1985: 548].

Интонация сострадания объединяет произведения Пушкина и Гоголя, их «чувствительность» и «лелеющая душу гуманность». Обман, одиночество и беззащитность «маленького человека», его трогательный и жалкий образ «перешли» со страниц произведений А.С. Пушкина на страницы Н.В. Гоголя.

ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ТЕМЫ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ «НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ»

2.1. Трансформация типа «маленького человека» в русской литературе 1840-х годов (на материале произведений А. Д. Галахова, И.И. Панаева, Я.П. Буткова)

«Гуманистическое» направление 1840-х годов породило живой интерес писателей «натуральной школы» к проблеме «маленького человека». Бытописание мелкого чиновника становится одной из основных тем, разрабатываемых литераторами, которые считали себя прямыми наследниками раннего гоголевского творчества. Однако многие из них восприняли лишь внешнюю, социальную сторону его повестей, тогда как внутренняя, духовная, оставалась для них неразгаданной.

Многие писатели «натуральной школы» стремились к просвещению общества. Их занимала судьба бедных и униженных людей. Таких в действительности было очень много. Об этом говорит и огромное количество благотворительных обществ, помещающих свои ежегодные отчеты в прессе. Большинство людей рассматривало проблему счастья и связанную с ней проблему бедности «маленького человека» (и счастья, и бедности как таковых) с позиции интеллигентов, концентрируя внимание на материальной стороне вопроса, не принимая во внимание его духовную суть.

«Главная тема русской литературы – противоборство двух раздирающих душу и сердце наше стремлений – к сокровищам небесным и сокровищам земным. Это тема, проблема не только литературы исключительно, это проблема жизни, творческих поисков (нередко – мечтаний) и самих писателей, путь которых был отнюдь не прямым и

направленным лишь горным высотам, но отмеченным многими ошибками и падениями, отступлениями от Истины» [Дунаев: 2003, 319].

Названное «противоборство» отражено и в повестях писателей «натуральной школы» о «маленьком человеке». Так, например, из далеких губерний России в поисках счастья в столицу приезжают герои повестей М.Е. Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело» и М.М. Достоевского «Господин Светелкин», многочисленные «маленькие люди» произведений Я.П. Буткова и др. Однако писатели по-разному решали проблему счастья своих героев. Все зависело от авторского взгляда на действительность.

Многие критики с негодованием относились к такому пристальному вниманию, казалось бы, к совершенно уже привычному для русской действительности явлению. Не случайно всегда враждебно настроенная к «натуральной школе» критика в лице «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», в своих отзывах едко «обыгрывали» «бедность»; «Мы прочли этот роман и сказали: бедные русские читатели!» [Булгарин: 1846, 107]; «бедный молодой человек! За что вы его так жестоко хвалите, так лестно браните...» [Сеньковский: 1846, 3]. Подобные мнения можно объединить формулой «бедный автор, бедный герой, бедные читатели», которая вызвана пониманием проблемы «маленького человека» и бедности вообще как надуманной, не стоящей пристального внимания, стремлением «из мухи сделать слона» [Брандт: 1846, 99].

Достигнув определенного положения в обществе, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны в департаменте, некоторые из «не дворян» начинали стыдиться своего происхождения, скрывать его от окружающих – так происходило разрастание амбиций «маленького человека». Так они из «маленьких» людей стремились выбиться в «большие», тогда им подходило уже другое название – «маленькие великие люди», которое было в ходу в 1840-е годы.

Так, А.Д. Галахов, автор обзора «Русская литература за 1847 год», помещенного в «Отечественных записках», переносит все основные положения своей статьи в несобственно-прямую речь Владимира Петровича Венельского, главного героя произведения «Превращение». Герой повести – учитель московского женского пансиона, «человек неглупый, но очень бедный» [Галахов: 1846, 179]. Если учесть, что учитель в царской России в соответствии с «Табелем о рангах» являлся таким же чиновником статской службы и получал не очень большое жалование, то Венельского вполне можно отнести к разряду «маленьких людей». Однако Владимир Петрович – представитель интеллигенции, он думающий, «рефлектирующий» герой. Поэтому смотрит и на свою бедность и на современную ему действительность с позиции образованного, «просвещенного» человека. Венельский в данном случае выражает авторское «интеллигентское» мнение.

Кроме этого, другой тип «маленького человека» – «лишнего человека» можно найти в повести А.Д. Галахова «Превращение» (чрезвычайная рефлексия героя позволяет отнести его и к категории «лишних людей»). Венельский – «маленький» по своему социальному статусу. Бедность и «труд по привычке» будто бы и смиряют его с действительностью, которая отнимает у него «естественное право» на богатство, славу, счастье, однако, это смирение оказывается внешним, продиктованным лишь амбициями, его неудовлетворенностью жизнью.

В VIII главе, эпиграфом к которой служит перефразированная русская пословица «Бедность не порок, а хуже порока», раскрывается суть внутренней драмы героя. Владимир Петрович был влюблен в свою ученицу, Катерину Михайловну Страницыну. Она отвечала ему взаимностью. Между тем, жениться на ней из-за отсутствия хоть какого-нибудь состояния, он не мог, однако решил непременно сделать ей предложение, как только финансовые его дела поправятся. Дело же осложнялось тем, что он вынужден был помогать своей семье, решать вопросы по имению,

обремененному долгами. Поэтому необходимость труда видится герою «обаятельной губительной силой», «привычкой, обременяющей душу» [Галахов: 1846, 180]. В таком положении человеческое счастье – «законная принадлежность разумного существа» представляется ему чем-то нереальным, невозможным в молодые годы: «Разве счастье наше в забвении счастья?» [Галахов: 1846, 180]. Необходимость труда, на которую обрекает многих достойных людей бедность, – это самообольщение, когда, работая, человек не видит результатов своих трудов, но ждет их. Трагедия, по мнению автора и его героя, состоит в том, что однажды труженик теряет «живость наслаждений», не видит радостей там, где находил их раньше. Каков же итог таких размышлений? «Как смешны в это время кажутся похвалы бедности и нравственно-идиллические выходки противопоставления богатства! Нет! Надобно провести целые годы в несчастье, утратить свежесть сил в непрерывной борьбе с людьми и природой, долгими лишениями притупить врожденные таланты, не жить как следует в юности и трепетать при ожидании старости, - и тогда узнаешь всю важность довольства и все зло бедности, хотя бы эта бедность имела преспокойную совесть. Деньги – это могущественное достоинство человека, способ для нравственной жизни, посредствующая добродетель общества» [Галахов: 1846, 181].

Итак, Галахов резюмирует: только нищие духом не замечают своей бедности. Просвещение же стирает память человека об одной из важнейших заповедей блаженства. Поэтому просвещенный человек страдает от бедности больше, чем не тронутый «цивилизацией». Ему не понятно, почему он, имеющий все права на заслуженное счастье: «и доброе сердце, и недюжинную голову, и честный труд, и добросовестную жизнь, лишен возможности быть счастливым по своему желанию» [Галахов: 1846, 185], испытывать ставшие уже не опальными наслаждения.

Невозможность обретения человеческого счастья, семьи, писатель, таким образом, опять же ставит в зависимость от материальной стороны вопроса. В этом русле решен и финал повести «Превращение».

«Превращение» – это история и о том, как незаметно может опуститься человек, как постепенно растет в нем «душевное безобразие», как жизненная «мелочность» способна привести женщину к «ничтожности» [Галахов: 1846, 192]. И в этом Галахов близок Гоголю. Однако, если Николай Васильевич причину такого явления видел в духовной бедности, умственной нищете героев, то автор «Превращения» всю вину за метаморфозы внешней и внутренней жизни человека возлагает на законы все уничтожающей действительности.

Галахов, изображая такого рода «смирение» героя (одной лишь из своих характеристик – бедностью – принадлежащего к типу «маленьких людей» (в привычном понимании этого термина), не видит пока возможности изменения существующего положения вещей. Писатель полностью находится на стороне Венельского, и вывод его прост: любой человек, хотя бы по праву обладания им личными достоинствами, обязан быть наделен обществом всеми благами цивилизации. Этого требует «просвещенный век». Интеллигентское сознание тесно связывало безбедное существование с понятием счастья.

Однако именно потому, что анализ действительности часто производился писателями с позиции гуманистов-интеллигентов, от них ускользала важность осмысления проблемы духовной бедности и разобщенности людей, особенно одного из самого страдающего сословия, оторванного от «народной» почвы – мелкого чиновника.

Писатели «натуральной школы» странным образом сочетали в себе веру в Бога, увлечение идеалистической немецкой философией, учениями Сен-Симона, Фурье и других социальных утопистов. Стремясь защитить «страждущее» человечество, а также отдельных ее представителей –

«маленьких людей», они пошли, как им казалось, вслед за гоголевским анализом действительности, избрав своим эталоном «Шинель» – как повесть, которая предельно объективно изобразила быт и нравы чиновников, и в то же время явственно указала на социальный аспект основного конфликта произведения. Главной задачей для писателей «натуральной школы», таким образом, становилось изучение и знакомство «толпы» с нею же самой, в «толпу» также входит и «маленький человек» – бедный и поначалу робкий еще чиновник, страдающий от притеснений начальства или собственной амбиции.

В адрес нового направления постоянно звучали обвинения в слепом копировании, а иногда и в намеренном показе только отрицательных сторон жизни чиновника. Обвинения эти частично справедливы. Между тем, верно отображая действительность, стремясь к предельно точному, «физиологическому» («натуральному») ее описанию, они порой однобоко выставляли только материальную сторону жизни. Но не происходило ли это еще и потому, что духовной жизни у «маленьких людей» действительно не было. Оттого, что мелкие чиновники, которых они описывали, бедные в материальном отношении люди, бедны были и духовно?

И.И. Панаев изображал чиновников «большой руки» или тех, кто стремится такими казаться. Все они несут в себе одинаково негативную оценку автора. Это, как правило, безнравственные люди, которых занимают только их собственные персоны. Они мечтают о дальнейшем карьерном росте, репутации благонамеренных людей.

Такие герои интересны своими высказываниями о более мелких служащих. Их слова позволяют обнажить замысел писателя: противопоставить бедного «маленького человека» богатым людям, сановитым чиновникам, которые успешно сделали себе карьеру, благодаря правильно воспринятой им в молодости цели своего существования. В произведении «Литературная тля» писатель рассказывает о взлете и падении

литературной тли. Жанр определяется самим автором «не-повесть». Действительно, подробнейшее «научное» описание работы «положительного» журнального редактора (в котором легко узнается В.Г. Белинский), заваленного рукописями, саркастическое представление литературных «партий» с их меркантильными интересами, продажными мнениями, – все это говорит о том, что перед нами типичный физиологический очерк. Тем не менее, и в этом повествовательном жанре происходит «оформление» своеобразных типов «маленьких людей».

Сын бедного помещика, Гребешков – мелкий чиновник, подававший, правда, большие надежды, почувствовал вдруг «литературное призвание». Карьера его на этом поприще окончилась весьма плачевно. Но Панаев дает другой «рецепт» становления «маленького человека», возможность сделаться ему «большим».

Если бы издатель газеты не обратил бы внимания на присланные ему посредственные стихи Гребешкова, то сочинитель «может быть понемногу охладел к литературе, обратился бы с прежним жаром к своей должности, и все служил бы, и служба обратилась бы ему в привычку, и дослужился бы он до статского советника, и женился бы, и жена бы его захотела быть генеральшей, и, в угодность жене, он продолжал бы служить, и дослужился бы до генеральства. Иными словами, герой сделал бы карьеру, обеспечив благосостояние своего семейства, был бы славою и гордостью своих родственников и заслужил бы от общества прозвание человека обстоятельного и благонамеренного» [Панаев: 1843, 226].

Петр Иванович Разнатовский, герой дилогии «Онагр» и «Актеон» – молодой чиновник, который только числится на службе, но для которого «имя, чин и деньги – великие три слова!». Он прожигает жизнь в различного рода увеселениях, тратит деньги со своего имения, присылаемые ему матерью с наставлениями типа: «угождай всем, не забывай именин и рождения своего директора и директорши, ласкайся ко всем» [Панаев: 1841,

56], волочится за актрисами и делает долги, желая быть похожим и «вхожим» в высший круг.

«Укажите же, читатель мой, место среди нас просто человеку!» [Панаев: 1841, 58], – и сам отвечает. Из окон своей новой, великолепно обставленной квартиры, Онагр смотрит на улицу: «Коллежский регистратор в светло-охровой шинели с кошачьим воротником, тащился, отряхиваясь и протирая глаза, залепленные снегом, горничная с платком на голове бежала в лавку» [Панаев: 1841, 51]. Слабая пародия на участие и жалость к «простым» людям просыпается в окаменелом сердце Разнатовского: «Бедные! И не боятся простуды! Им ничего – грубый народ!» [Панаев: 1841, 51].

Петр Иванович, с первого взгляда, казалось бы, богатый и солидный человек. Однако он тоже имеет свою «амбицию», как и Девушкин, – и не мудрено, ведь у Разнатовского и чин тот же, он – титулярный советник (IX класс). Но поскольку у героя еще хватает на «амбицию» денег, то Онагр стремится ее удовлетворить, и не чувствует себя пока бедным и униженным. Однако Панаев вряд ли в Разнатовском или Теребенъине, их «амбициях» и низких чинах видел «маленького человека». Его титулярного советника и коллежского асессора, говоря схематично, можно отнести скорее к «значительным лицам», считающим себя вправе снисходить до сочувствия к «бедным людям», поучать и наставлять их.

Однако писатель не замечает этого обстоятельства. Для него важно показать существующее различие материального положения людей вообще. Порой «благонамеренность» и достаток чиновника имеет строгую соотнесенность со степенью его порядочности. Такое положение вещей иногда приводит к схематизму в определении положительности героя. Безнравственны чиновники, стремящиеся нажать копейку, гоняющиеся за чинами, пресмыкающиеся перед начальством.

Еще с 1840-х годов сложилось устойчивое мнение, что Я.П. Бутков – один из представителей гоголевского направления, писатель «натуральной

школы», который получил широкую известность у своих современников, благодаря выходу в свет сборника «Петербургских вершин», изданного в двух книгах (в 1845 и 1846 годах).

Это мнение перешло и в XX век, при этом всегда подчеркивалось сильное влияние Н.В. Гоголя и, особенно Ф.М. Достоевского, на «мелкого» писателя. В период возросшего интереса к «забытым» именам, к изучению творчества Буткова (1950-1970-е годы) обращаются с целью определения места писателя в истории русской литературы. Возникает стремление показать то новое, что внес Бутков в ее развитие. Тогда впервые заговорили о том, что, несмотря на огромное влияние Гоголя и Достоевского на повести «второстепенного» писателя, большое количество реминисценций из их произведений Яков Бутков сохранил свою индивидуальность.

Э.Г. Багиров делает ряд интересных наблюдений, касающихся стиля произведений Я.П. Буткова. Основную ценность его творчества в развитии русской литературы ученый видит в умении писателя избежать филантропичности и сентиментальности, а так же в раскрытии противоречий общества, социальных контрастов, в отражении современных ему проблем [Багиров: 1973, 289].

Вслед за Багировым, И.С. Чистова продолжает тенденцию к определению писательской индивидуальности Буткова как участника современного ему литературного процесса. Она рассматривает эволюцию творчества Буткова, связи с современной литературой, уделяя большее внимание художественной оригинальности и самобытности автора [Чистова: 1973, 8-9].

Однако стремление к определению творческой индивидуальности Я.П. Буткова не повлияло ни на дальнейший интерес к изучению его повестей, ни на переиздание его произведений. В 1957 году, в сборнике своих статей М.С. Мейлах сетовал на то, что «имя Буткова незаслуженно забыто, повести его даже не все собраны» [Мейлах: 1957, 378]. Со времени опубликования этих

строк прошло около полувека, однако, ситуация почти не изменилась. Несмотря на то, что усилиями того же исследователя были впервые переизданы «Петербургские вершины», остальные повести и рассказы писателя так и остались не собранными.

Возможно, в связи с этим исследователи «Петербургских вершин» XX века и делили героев сборника на две группы. В первую входили такие, в описании которых автор ограничивается сатирой, разоблачая растлевающее влияние господствующей морали на «маленького человека»; во вторую те, кто вызывал гуманное сочувствие к несчастной жертве социальной несправедливости. Новаторство Буткова, по мнению исследователя, заключается именно в показе второй группы героев [Багиров: 1973, 147].

Попытаемся с этой точки зрения проанализировать сборник «Петербургские вершины», который, строго говоря, представляет собой собрание физиологических очерков. Сам автор в «Назидательном слове» характеризует свои произведения как очерки. «Маленький человек» Я.П. Буткова этнографически принадлежит Петербургу. В предисловии к первой книге писатель оговаривается, что намеренно не называет ее «Очерки Петербурга», потому что Петербург – то особенное общество, живущее в столице, толпу, обитателей верхних этажей огромных петербургских домов, петербургских вершин [Бутков: 1845, XVI].

Характерной особенностью очерков первых двух книг писателя является интерес к подробному и основательному изучению биографии героя, большое внимание он уделяет бытописанию, портрету «маленького человека» до и после «испытания» его бедностью или богатством. Построение сюжета произведения также характерно для жанра «физиологии» 1840-х годов: сначала рассказывается история героя, затем те события, которые происходят с ним в реальном для повести времени, часто название главы передает ее краткое содержание, например: «Глава первая, в

которой описываются маленькое жалование и крошечные люди» («Порядочный человек») [Бутков: 1845, 1].

Однако жанр физиологического очерка у Буткова не «загоняет» «маленького человека» в рамки какого-то одного типа, бедного, «раздавленного» средой и «забитого» социальной действительностью, а потому жалкого и робкого, лишенного чувства собственного достоинства. Яков Петрович создал типологию «маленьких» («крошечных», «темных») людей.

Перед читателями предстает Лев Силыч Чубукевич, имевший «девственный чин коллежского регистратора» [Бутков: 1845, 2], то есть XIV, самый маленький, в соответствии с петровским «Табелем о рангах». Коллежский регистратор, иронизирует повествователь, не был лишен и чувства приличия, причем в превосходной степени: он не мог по дороге домой брать на мосту еду в полцены против мелочной лавки, потому что боялся, что на него будут указывать пальцем «вот, дескать, чиновник!» [Бутков: 1845, 3]. Лишения и нужды сделали из Чубукевича «род ходячей машины для письма, приводимой в движение столоначальником и экзекутором» [Бутков: 1845, 4]. И здесь Бутков сочувствует своему герою, отдавая должное его смирению: «Не было насмешки, не было унижения, которых бы он не снес терпеливо и молчаливо» [Бутков: 1845, 4]. Однако сознание ничтожества и безнадежности его положения убило в нем запас самолюбия, а запас этот, «по соображению крошечного ранга и недалевого воспитания Чубукевича, долженствовал быть весьма значительным» [Бутков: 1845, 4].

Таким образом, безнадежность, по мысли Буткова, уничтожает в человеке сознание того, что он создан по образу и подобию Бога, герой перестает задумываться над тем, что происходит вокруг, сосредоточивая свое внимание только на том, как бы «гастрономически», «с бешеным восторгом» пообедать в день получения жалования (предел мечтаний

Чубукевича, например, обед, начинающийся горячим супом, а оканчивающийся холодным киселем со сливками). Так тянутся за днями дни до тех пор, пока не случится какого-нибудь «нравственного потрясения», от которого «маленький человек» или одуреет вовсе и попадет на кладбище, или выкажет и докажет свой обширный ум и опытность [Бутков: 1845, 4].

Чубукевичу удастся «доказать свой обширный ум». Его восхождение к «порядочности» начинается с получения им чина XIII класса, который он празднует в кругу своих сослуживцев. После двух выпитых бутылок шампанского, когда воцарилась «искренность и веселость», он впервые вдруг решается испытать свою судьбу, поиграть в преферанс. Для этого герой достает со дна старого сундука рубли, которые лежали у него с незапамятных времен накопленными «на черный день», и выигрывает.

Чубукевич, оставшись один, вспоминает, как в нем никто раньше не признавал ни способностей, ни чувств, ни души, потому что он питался печенкой и ходил в изношенном платье с толкучего рынка. Теперь же, овладев деньгами, он приобретет право на самолюбие, на уважение окружающих его людей [Бутков: 1845, 12].

Теперь «маленький человек», по своему разумению, превращается в «порядочного»: «самодовольствие и самонадеянность проникли в душу, дотоле доступную одному унынию» [Бутков: 1845, 14]. Таким образом, безнадежность, уныние, с появлением «дьявольского счастья» сменяются в душе Чубукова другим грехом – гордыней.

Для «маленького человека» Чубукевича повышение в чине и последующая за ним вечеринка с крупным выигрышем – искушение, и, соответственно, выход из замкнутого круга привычной, почти животной бедной жизни, как для Башмачкина покупка шинели, благодаря которой он тоже попал на вечер, был навеселе и даже стал преследовать на улице девушку. Только цена искушения у героев разная.

Пожалуй, самый светлый и идеальный образ «маленького человека» создан Бутковым в первой книге «Петербургских вершин» в повести «Ленточка». В «Ленточке» изображен «маленький человек» с маленькими радостями и печалью, мечтами о высоком и прекрасном. Но даже в «горе» он остается не один, а утешаем своими чуткими крестницами. Почти светлая идиллическая картина, завершающая повествование убеждает нас в том, что не все «маленькие люди» несчастны, не всегда их печаль и горе заключаются в бедности и социальной приниженности их положения.

Резюмируя произведения Буткова, можно проследить тенденцию создания писателем своей типологии «маленького человека».

В светлые тона окрашен первый тип «маленького человека». Веселые и простодушные чиновники невысокого класса довольны своим положением, а маленькие радости и огорчения они переживают спокойно, во всем довольствуясь малым: Иван Анисимович («Ленточка»), Шляпкин («Партикулярная пара»). Их отличает оптимистичный взгляд на жизнь, такой, как нам кажется, в идеале видел для себя и сам писатель.

Ко второму типу «маленького человека» в творчестве Буткова принадлежат герои «со слабыми сердцами», «смятыми средой характерами», которым не повезло в жизни и которые не находят в себе душевных сил противостоять судьбе. Это добрые, смирные, но не смиренные герои, оттого они не выдерживают испытания, посланного им свыше, сходят с ума: Авдей Аполлонович («Сто рублей»), Евсей Евсеевич («Первое число»).

К третьему типу относятся «падшие» герои – «маленькие люди», которые находятся уже на самом «дне общества». Их объединяет то, что физические и духовно падшие, нравственно преступившие однажды, герои считают себя невиновными. Они оправдывают свои неблагоприятные поступки бедностью: Герасим Фомич («Горюнь»), Переулков (Новый год. Вчерашняя история) или тем, что «все так живут» – Самсон Самсоныч («Битка»).

К четвертому типу – «обманчивого героя» – принадлежат такие «маленькие люди», которые поначалу кажутся робкими и «забытыми». Однако они только и выжидают удобного случая занять «хорошее» место, стать «порядочными» и даже «почтенными» людьми. Такой мелкий чиновник (и «мелкий человек») не выбирает средств для достижения своих целей: Чубукевич («Порядочный человек»), Пачкунов («Почтенный человек»), Лубковский («Хорошее место»), Наревский («Кредиторы, любовь и заглавия»), Ракитин («Странная история»).

Пятый тип – «маленький великий» человек. Он чувствует себя обиженным, обделенным обществом и мечтает об отмщении. Это герой, который осознанно или неосознанно бунтует против исключения его из системы, где правят «сильные мира сего». Он порой пытается удовлетворить свои амбиции, «протискиваясь» в «большой» мир с помощью внешнего антуража: Залетаев («Невский проспект, или приключения Нестора Залетаева»), Михей («Сто рублей»), Евсей Евтеевич («Первое число»).

Герои шестого типа «маленького человека» – «собиратели «сокровищ земных». При раскрытии образа «маленького человека» этого типа писатель использовал мотив Страшного суда («черного дня»). Это герои, которые стремятся захватить богатства мира, быть тайными властителями (Крушицкий («Странная история»), Степан Степанович («Скупой»), отчасти сюда можно отнести и Анания Демьяновича («Темный человек»)
[Глуховская: 1984, 156-157].

Нравственный выбор, перед которым Бутков ставил своих «маленьких людей» не случаен. Возможно, это поиск самим писателем ответов на вопросы, которые волновали его самого, и в актуальности которых в любую, даже в самую «просвещенную» эпоху, не приходится сомневаться.

Великие маленькие люди всегда хотят казаться выше, значительнее, чем они есть на самом деле. Это с блеском отразили в своих произведениях писатели «натуральной школы», возможно, и не заметив, что из «идеального,

высоко трагического лица» [Глуховская: 1984, 178] «маленький человек» превращается иногда в лицо комическое (трагикомическое).

Но о духовной стороне вопроса в 1840-х годах речь не шла. На первое место было выведено стремление общества только к «материальным интересам», без которых, считалось, нет «свободного развития личности». У человека отнимали, таким образом, свободу выбора, дарованную ему Богом, и насильно вели к совершенству

2.2. «Маленький человек» и проблема бедности в раннем творчестве Ф.М. Достоевского

Ф.М. Достоевский вошел в историю русской литературы как многогранный писатель-новатор, писатель-психолог, отражающий самые неприглядные человеческие качества и душевные терзания своих героев. Как и многие выдающиеся русские писатели, Достоевский уже в первом своем романе «Бедные люди» (1846) обращается к теме «маленького человека», причем весьма успешно – дебют принес писателю громкую славу, вызвав довольно бурные обсуждения среди критиков. Относительно предшественников, нашумевшее произведение Достоевского уступило разве что гоголевской «Шинели», но ведь «все мы вышли из гоголевской «Шинели», как говорил сам Достоевский. Главный герой романа – Макар Деушкин – бедный чиновник, подавленный горем, нуждой и социальным бесправием. Как и Гоголь в повести «Шинель», Достоевский сосредоточился на теме бесправного, безмерно униженного и забитого «маленького человека», живущего своей внутренней жизнью в условиях, грубо пренебрегающих достоинством личности. В то же время, на первый план Достоевский выдвигает положение данного типа героя – он уже не просто «маленький» человек, а «бедный».

В то же время, уникальность романа заключается в том, что «маленький человек» впервые заговорил самостоятельно, а не от лица стороннего наблюдателя. Макар Деушкин и Варенька Доброселова предстают перед читателем как люди невероятной душевной чистоты и доброты. Каждый из них готов отдать последнее ради друг друга. Макар – это человек, способный сочувствовать, сопереживать, мыслить и рассуждать, а, по мнению самого Достоевского, это лучшие качества «маленького человека». Для «бедного» человека самоцелью является уважение и небольшое, но все же место в обществе, а в результате приходит понимание – это невозможно: «И ведомо каждому, Варенька, что бедный человек хуже ветошки и никакого ни от кого уважения получить не может, что уж там не пиши» [Достоевский, 2016: 19]. Протест Макара Алексеевича против чудовищной несправедливости абсолютно безнадежен

Во время прочтения пушкинского «Станционного смотрителя» и гоголевской «Шинели» к Деушкину приходит потрясение и внезапно он обнаруживает в героях произведений самого себя: «...ведь скажу вам, маточка, случится же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя, как по пальцам разложена» [Достоевский, 2016: 39].

Литературовед Гус считает: «Несмотря на крайнюю бедность, нравственно подавляющую его, на полную зависимость и робость перед начальством, мелкий чиновник у Достоевского не только осознает, но и внутренне защищает на уровне своих понятий и принципов свое человеческое достоинство, глубоко затаенную гордость маленького, незаметного, но честного труженика, которую Макар называет «амбицией» [Гус, 1962, 135]. «Служу безукоризненно, поведение трезвого, в беспорядках никогда не замечен» [Достоевский, 2016: 21]. Как гражданин считает себя имеющим свои недостатки, но вместе с тем и добродетелем: «Амбиция моя мне дороже всего» [Достоевский, 2016: 23]. Увидев на улице шарманщика,

который «милостыни просить не хочет» и «хоть целый день ходит да мается – зато сам себе господин, сам себя кормит» [Достоевский, 2016: 28], Деушкин пишет о себе: «Вот и я точно так же, как этот шарманщик... в своем смысле, в благородном-то, в дворянском-то отношении точно так же, как и он по мере сил тружусь, чем могу, дескать» [Достоевский, 2016: 28].

В самоанализе своего якобы незначительного, но в то же время честного и бескорыстного труда, Макар Алексеевич порой подводит себя к осознанию невероятных контрастов социальной жизни, одновременно подавляя в себе это явное «вольнодумство», но прослеживается тенденция – он не в состоянии полностью отречься от собственных рассуждений. Особенно беспокоит его судьба бедной Вареньки: «От чего вы, Варенька такая несчастная... От чего это так все случается, что вот хороший то человек в запустении находится, а другому кому счастья само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что нехорошо это думать, что это вольнодумство...» [Достоевский, 2016: 19].

Новаторство типажа «маленького человека» у Достоевского – это его способность к «погружению в себя самого», к психологическому самоанализу, рефлексии и к соответствующим обобщениям. «Он, бедный-то человек, он взыскателен, он и на свет-то божий иначе смотрит... да вокруг-то себя смущенным взором поводит, да прислушивается к каждому слову, – дескать, не про него ли там говорят? Что вот, дескать, что же он такой незаметный?» [Достоевский, 2016: 41]. Даже в лучшую минуту жизни, когда начальник дал ему из жалости 100 рублей, он не может не страдать: «Мне, впрочем, покойно, очень покойно. Только душу ломит, и слышно–там в глубине душа моя дрожит, трепещет, шевелится» [Достоевский, 2016: 32].

В совокупности характера и положения одинокого, пожилого, бедного чиновника вполне естественна и логична внезапно пробудившаяся в нем нежная привязанность к такой же бедной и униженной Вареньке – молодой девушке, «изнуряемой» мечтательностью, переживаниями, и «болезненными

впечатлениями», у которой «душа так часто просит слез» [Достоевский, 2016: 13]. Девушка признается: «Как вы мне явились, так вы всю мою жизнь осветили темную» [Достоевский, 2016: 26]. Но тем драматичнее для них становится вынужденный брак Вареньки со своим обидчиком, помещиком Быковым, и возникающая вследствие этого внезапная разлука с Девушкиным.

Трогательная переписка героев, являющая собой гармоничный симбиоз искренности, душевных изменений и сердечных надрывов, представляет собой непосредственно проявления внутреннего мира «маленьких людей». Характерен и язык писем – Девушкин говорит спотыкающимся, затрудненным языком с неоправданными повторами и бесчисленными уменьшительными словами («маточка», «придумочка», «сердчишку моему»), демонстрирующими не только ласковый тон его речи, но и устоявшуюся привычку к самоуничижению.

Отношение Девушкина к Вареньке сродни отцовскому чувству Самсона Вырина к Дуне (А.С. Пушкин, «Станционный смотритель»), он близок пушкинскому герою в своей готовности защитить ближнего, еще «меньшего» человека, в чувстве собственного достоинства. Макар Девушкин очень любит Вареньку: покупает ей то, о чем она мечтает, хотя она его об этом не просит, а сам остается фактически без пищи, становится должником хозяйки дома. В свою очередь Варенька, узнав о беде Макара, пытается ему помочь: высылает деньги, чтобы он смог расплатиться с хозяйкой и чего-нибудь себе купить. Следует отметить, что она отдает далеко не лишние деньги, заработанные ее кропотливым трудом. Жалость и доброта свойственны этой нежной девушке, зеркально отражаясь в характере Макара, спасшего Вареньку от злобной родственницы. В их отношениях первоочередную роль играет взаимовыручка, т.к. исключительно на нее и могут надеяться «бедные» люди.

Отсюда идут тонкие нити, связывающие Макара Девушкина с другими людьми, непреодолимое стремление помочь беззащитной, обездоленной

Вареньке, избавив ее от нищеты, уберечь от скверных посягательств на ее честь. Ему, живущему в доме, где «люди так и мрут» [Достоевский, 2016: 8], дана сердечная способность помочь страждущему. Гораздо больше, чем от осознания собственной бедноты, с которой он готов примириться, Деушкин страдает от невозможности облегчить участь близкого человека, бедняка-соседа Горшкова, нищего ребенка на улице. Подобные источники страдания возвышают Деушкина, превращают его, несмотря на его слабости, в подлинно положительную личность, великого «маленького человека». Продемонстрировав страшную драму «маленького человека», Ф.М. Достоевский все же возвышает ее до трагедии.

Гуманистическая ориентация «Бедных людей» была замечена критикой. В.Г. Белинский восторженно приветствовал Достоевского: «Это талант необыкновенный и самобытный, который сразу, еще первым произведением своим, резко отделился от всей толпы наших писателей...» [Белинский: 1948, 163]. По Белинскому, первоочередная цель Достоевского – социальное переосмысление жизни мелкого чиновника: «Чем ограниченнее его ум, чем теснее и грубее его понятия, тем, кажется, шире, благороднее и деликатнее его сердце. Многие могут подумать, что в лице Деушкина автор хотел изобразить человека, у которого ум и способности придавлены, приплюснуты жизнью. Было бы ошибкой думать так. Мысль автора намного глубже и гуманнее; он в лице Макара Алексеевича показал нам, как много прекрасного, благородного и святого лежит в самой ограниченной человеческой натуре» [Белинский: 1948,131]. В то же время, по мнению исследователя Храмцева, «влияние А.С. Пушкина в «Бедных людях» оказывается вторично – Н.В. Гоголь пишет с оглядкой на Пушкина, а Ф.М. Достоевский перенимает взгляды на Гоголя и его «Шинель» [Храмцев: 2004, 37]. А.В. Никитенко прокомментировал повесть так: «<...> этот маленький человек, этот бедняк, которому общество и не может уделить более благ, как сколько следует существу переписывающему, он вне своей общественной сферы, посреди отношений

человеческих, является уже с полным правом на наше уважение и сочувствие».
[Никитенко: 1846, 27]

Многие критики обращались к Н.В. Гоголю с просьбой оценить произведение начинающего писателя, однако Гоголь оставил эти просьбы безучастными, интригуя критиков завуалированностью редких и немногословных комментариев. Например, А.М. Виельгорской Гоголь отвечает: «В авторе «Бедных людей» виден талант, выбор предметов говорит в пользу его душевных качеств, но видно также» что он еще молод. Много еще говорливости и мало сосредоточенности в себе: все бы оказалось гораздо живей и сильнее, если бы было более сжато» [Гоголь: 1952, 66]

Общие черты рассмотрения темы Пушкиным, Гоголем и Достоевским – это схожие трактовки образа маленького человека, постановка проблемы вседозволенности, интерес к исповедальности.

Достоевский продолжил исследования души «маленького человека», углубился в его внутренний мир. «Маленький человек» Ф. М. Достоевского полностью осознает свою ненужность, бесполезность как для общества в целом, так и для конкретных, близких ему людей. Но писатель считал, что «маленький человек» не заслуживает подобного к себе обращения. «Маленький человек» Достоевского не только «униженный и оскорбленный», понимающий свое ничтожество, он еще и философ, ставящий перед обществом вопросы величайшей важности, и мы отмечаем его способность к рассуждению и самоанализу.

Социальная тема, тема «бедных людей», «униженных и оскорбленных», была продолжена автором в «Преступлении и наказании», здесь она прозвучала еще сильнее. Одну за другой раскрывает писатель перед нами картины беспросветной нищеты. Местом действия Достоевский выбрал самую грязную часть строго Петербурга. На фоне этого пейзажа разворачивается перед нами жизнь семьи Мармеладовых.

Судьба этой семьи тесно переплетается с судьбой главного героя, Родиона Раскольникова. Спивается с горя и теряет человеческий облик чиновник Мармеладов, которому больше «некуда идти» в жизни. Измученная нищетой, погибает от чахотки жена Мармеладова, Катерина Ивановна. Соня идет на улицу торговать своим телом, чтобы спасти семью от голодной смерти.

Тяжела судьба и семьи Раскольникова. Его сестра Дуня, желая помочь брату, готова пожертвовать собой и выйти замуж за богача Лужина, к которому она чувствует отвращение. Другие персонажи романа, в том числе и те несчастные люди, которые мимолетно встречаются Раскольникову на улицах Петербурга, дополняют эту общую картину безмерного горя. Раскольников понимает, что жестокая сила, создающая в жизни тупики для бедняков и бездонное море страданий, – это деньги. И чтобы их раздобыть, он идет на преступление под влиянием надуманной идеи о «необыкновенных личностях».

Ф.М. Достоевский создал обширное полотно безмерных человеческих мук, страдания и горя, пристально и пронизательно вглядывался в душу так называемого «маленького человека» и открыл в нем залежи огромного духовного богатства, душевной щедрости и красоты, не сломленных тяжелейшими условиями жизни. И это было новым словом не только в русской, но и во всей мировой литературе.

Стремление быть «немаленьким» рождает у Раскольникова известную формулу: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» [Достоевский: 2011, 93], которая предполагает суждение о значении человеческой судьбы земными мерками. Герой у Достоевского ведом дьяволом в поле смертного греха – убийства.

Так или иначе, в Раскольникове Достоевский изобразил протест «маленького человека», доведенного до предела.

Достоевский умеет создать образ действительного падшего человека: мармеладовская назойливая слащавость, неуклюжая витиеватая речь – свойство пивного трибуна и шута одновременно. Осознание своей низости («Я прирожденный скот» [Достоевский: 2011, 74]) лишь усиливает в нем браваду.

Не бедность даже, а нищета, при которой человек не только буквально гибнет от голода, но и теряет человеческий облик и чувство собственного достоинства, – вот состояние, в которое погружено несчастное семейство Мармеладовых. Запойный старик Мармеладов, ради рюмки водки унижающийся перед трактирщиком; жена его, «гордая» Катерина Ивановна, умирающая от чахотки и посылающая семнадцатилетнюю падчерицу, великую страдальицу Соню, продавать себя на улице петербургским развратникам; гибнущие от голода малые дети Мармеладова, – яркое тому подтверждение. Материальные страдания влекут за собой мир нравственных мучений, которые уродуют человеческую психику. Добролюбов писал: «В произведениях Достоевского мы находим одну общую черту, более или менее заметную во всем, что он писал: это боль о человеке, который признает себя не в силах или, наконец, даже не вправе быть человеком, самим по себе» [Добролюбов: 1970, 213].

Чтобы понять меру унижения человека, нужно вникнуть во внутренний мир титулярного советника Мармеладова. Душевное состояние этого мелкого чиновника намного сложнее и тоньше, чем у его литературных предшественников – пушкинского Самсона Вырина и гоголевского Башмачкина. Им не свойственна сила самоанализа, которого достиг герой Достоевского. Мармеладов не только страдает, но и анализирует свое душевное состояние, он как врач ставит беспощадный диагноз болезни – деградация собственной личности. Вот как исповедуется он в первой же встрече с Раскольниковым: «Милостивый государь, – бедность не порок, это истина. Но... нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете все

благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто... ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя» [Достоевский: 2011, 68]. Человек не только гибнет от нищеты, но понимает, как он духовно опустошается: начинает презирать самого себя, но не видит кругом ничего, за что бы уцепиться, что удержало бы его от распада личности. Мармеладов презирает себя. Мы сострадаем ему, мучаемся его мучениями и остро ненавидим социальные обстоятельства, породившие человеческую трагедию.

Огромной художественной убедительности достигает крик души Мармеладова, когда он замечает насмешку трактирных слушателей: «Позвольте, молодой человек, можете ли вы... но нет, изъяснить сильнее и изобразительнее: не можете ли вы, а осмелитесь ли вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?» [Достоевский: 2011, 72]. Подчеркивая эти слова, писатель обостряет наше восприятие, углубляет свою мысль. Конечно, можно обозвать пьяницу, губящего семью, бранным словом, но кто возьмет на себя смелость осудить такого Мармеладова, ставшего под пером писателя подлинно трагической фигурой.

Мармеладов восстает против одиночества, на которое обречен бедняк в джунглях безжалостного города. Мармеладовский вопль: «ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти» [Достоевский: 2011, 85], выражает последнюю степень отчаяния человека.

Мармеладов хочет исправиться, но не может. Он понимает, что обрек свою семью, а особенно дочь, на страдания, переживает из-за этого, но ничего не может поделать с собой. «Жалеть! Зачем меня жалеть! – вдруг завопил Мармеладов, вставая с вперед протянутой рукой...– Да! Меня жалеть не за что! Меня распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судья, распни и, распяв, пожалей его!» [Достоевский: 2011, 87]. В дальнейшем, в рассказах Чехова «маленькие люди» будут вызывать негодование, неприязнь, у Достоевского – жалость и сопереживание: «А коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было

пойти. Ибо бывает время, когда непременно надо хоть куда-нибудь пойти» [Достоевский: 2011, 89].

Взглянув на Мармеладова, Раскольников увидел «старый, совершенно оборванный фрак с оставшимися пуговицами. Одна только держалась кое-как, и он на нее и застегивался, видимо, желая не удалаться приличий» [Достоевский: 2011, 79].

«Не один раз уже жалели меня» [Достоевский: 2011,88], – говорит Мармеладов Раскольникову. Пожалел его и добрый генерал Иван Афанасьевич, снова приняв на службу. Но Мармеладов не выдержал испытания, снова запил, пропил все жалование и взамен получил оборванный фрак с единственной пуговицей. Мармеладов в своем поведении дошел до утраты последних человеческих качеств. Он уже настолько унижен, что человеком себя не ощущает, а только мечтает о том, чтобы быть человеком среди людей.

Встреча с Мармеладовым в трактире, его лихорадочная, как в бреду, исповедь дали Раскольникову последнее доказательство правильности «наполеоновской идеи».

Достоевский учился у многих. Почерпнутое им у Гоголя на первых порах было особенно заметно в его произведениях – в выборе темы и героя, в отдельных элементах, во внешних деталях описания и даже непосредственно в слоге. Но именно благодаря этому обстоятельству и делалась отчетливо различимой – по принципу контраста – разработка гоголевским учеником уже только ему одному присущих особенностей во взгляде на человека и окружающее.

В.В. Ермилов высказал следующую точку зрения: «Преступление и наказание» – книга великой боли за человечество, одно из сильнейших произведений мировой литературы, раскрывающих бесчеловечность капиталистического общества» [Ермилов: 1956, 150]. Объективным содержанием романа является полная невозможность найти какие-нибудь

человеческие выходы, если оставаться на почве этого общества, в пределах его действительности и его сознания. В страшных картинах нищеты, надругательства над человеком, одиночества, невыносимой духоты жизни, кажется, дышит и прямо смотрит вам в лицо все горе людское. Жить в таком обществе человеку невозможно! Вот главный вывод из романа, определяющий его настроение, образы, положения.

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия человеческого» [Достоевский: 2016, 318], – так считал Достоевский. Сострадание помогает выжить, помогает понять «маленькому человеку», что, несмотря на его низость и никчемность, он кому-то нужен, кто-то беспокоится о нем, а ведь каждому человеку это очень важно.

Л.Д. Волкова резюмирует: «В романе много описаний судеб «маленьких людей». Ф.М. Достоевский с глубокой психологической точностью описал противоречия, царящие в их душах, сумел показать не только забитость и униженность таких людей, но и доказал, что именно среди них встречаются глубоко страдающие, сильные и противоречивые личности» [Волкова: 1977, 94].

Самое важное и новое, по сравнению с другими писателями, раскрывавшими эту тему – это способность у забитого человека Достоевского заглянуть в себя, способность самоанализа и соответствующих действий. Писатель подвергает героев детальной рефлексии, ни у какого другого писателя в очерках, повестях, сочувственно изображавших быт и нравы городской бедноты, не было такой неторопливой и сосредоточенной психологической проникновенности, и глубины изображения характера действующих лиц.

Выводы по главе 2

Гуманистический контекст в освещении образа «маленького человека» в русской литературе 1840-х годов стал историко-литературным клише, ведь

писатели «натуральной школы» сосредоточили свое внимание, в том числе и на бедах мелких чиновников. И для Белинского, и для демократической критики, а затем и для советских литературоведов это направление лишний раз подтверждало гуманистическую направленность всей русской литературы.

Таким образом, проблема «маленького человека» в отечественной литературе 1840-х годов была и остается сложным и многообразным явлением. Несмотря на индивидуальность каждого из типов «маленького человека», созданных разными авторами, в них, как в зеркале, отражается журнальная полемика 1840-х годов по вопросам бедности и нищеты, возможности (невозможности) в условиях российской «суровой действительности» человеческого счастья. Каждый писатель «натуральной школы» по-своему подходил к осмыслению бед «маленького человека»: одни, подобно социальным утопистам, видели «выход» в развитии его характера, в пробуждении чувства собственного достоинства, наконец, в исправлении общества, виновного в положении социально обездоленного героя (М.Е. Салтыков-Щедрин, И.И. Панаев), другие – в христианском смирении «маленького человека», в нравственном перерождении общества (Я.П. Бутков, Ф.М. Достоевский). Однако, несмотря на разное отношение авторов к своим героям, в творчестве писателей «натуральной школы» прослеживается общая тенденция к сочувствию «бедному человеку», к прощению и оправданию его ошибок.

Почти каждый мелкий чиновник стремится если не получить новый чин, то хотя бы отличие или прибавку к жалованию. И не всегда дело в крайней его бедности. Часто это давало маленькой чиновничьей душе повод для ликования, утверждения своей «общественной» значимости, роста в собственных глазах.

Наивысшая концентрация внимания именно на таком процессе – удовлетворение «амбиций» в сердцах и душах бедных и забытых

чиновников, «маленьких людей» – была достигнута в творчестве «сентиментальных натуралистов» (особенно Я.П. Буткова и Ф.М. Достоевского).

Для Достоевского характерно детальное проникновение в социальную проблематику вопроса. Об этом говорит как сам выбор темы «маленького человека», актуальной в 1840-е годы, так и «включенность» писателя в полемику по вопросам бедности и богатства людей среднего и низшего сословия. Тематика ранних произведений Достоевского, с одной стороны, ставит его в один ряд с писателями «натуральной школы», с другой, рассуждение над проблемой духовной бедности (богатства) «маленького человека» («Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин»), ориентированность на творчество А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, выводят Достоевского далеко за рамки какой-либо школы.

Достоевский одним из первых понял и показал противоречивость и даже искаженность психологии «маленького человека», его не только внешнюю, но и внутреннюю забитость. В душе бедного чиновника он увидел не только подавленное чувство собственного достоинства, но и желание замкнуться в своем маленьком мире.

Таким образом, мы можем говорить не только о некоторой типологии «маленького человека», созданной писателями «натуральной школы», но и о преемственности (в смысле решения образа) темы «маленького человека» от А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя к «сентиментальным натуралистам» – Ф.М. Достоевскому и Я.П. Буткову.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

3.1 «Маленький человек» как типический герой в рассказах А.П. Чехова

Тема «маленького человека» нашла свое отражение и во второй половине XIX века – А.П. Чехов предстает перед читателями не только продолжателем традиций русской литературы XIX века, он расширяет анализ одной из главенствующих проблем – «маленького человека», используя свой излюбленный прием – юмор. В связи с этим творчество Чехова тематически цельно и логично.

«Маленький человек» – основной тип чеховского героя, наиболее часто встречающийся в сатирических рассказах писателя и отличающийся от своих «предшественников» тем, что герои стали «маленькими» по причине собственного безволия. Чехов, как и Н.В. Гоголь описывает «высшие чины» в роли угнетателей, а в самих рассказах отсутствует вопрос острой денежной ситуации и унижительных социальных отношений, как у Ф.М. Достоевского, но есть человек, самостоятельно вершащий собственную судьбу.

Исследователь Юрьева считает: «Своими наглядными образами «маленьких людей» с оскудевшими душами, А.П. Чехов призывает читателей к исполнению одной из своих заповедей «по капле выдавить из себя раба». Каждый из героев его «маленькой трилогии» олицетворяет какую-либо из сторон жизни: Беликов («Человек в футляре») – олицетворение власти, бюрократии и цензуры, рассказ («Крыжовник») – олицетворение отношений к земле, извращенный образ помещика того времени, рассказ «О любви» предстает перед нами отражением духовной жизни людей» [Юрьева: 2009, 42]. Совокупность рассказов представляет собой идейное целое, создавая обобщенную демонстрацию современной жизни, где значительные события граничат с ничтожными, а трагедия – с комедией.

«Человек в футляре» являет собой первую часть знаменитой чеховской «маленькой трилогии». Учитель греческого языка Беликов прекрасно знает свой предмет и мог бы стать действительно полезным обществу, но становится лишь брюзгой и неприятным «футлярным человеком», которого сторонятся все окружающие. Но в какой-то мере он удовлетворен подобным положением, Беликов живет созданной им жизнью, соответствующей его характеру и внутренним мироощущениям, следуя своим личным убеждениям и не заботясь о других. Свое существование учитель сводит к футлярности: носит темные очки, фуфайку, поднимает воротник, закладывает ватой уши; зонт, часы и перочинный нож хранит в отдельных чехольчиках и повсеместно беспокоится о том, «как бы чего не вышло».

Весь смысл жизни Беликова – в защите от реальности, от внешнего мира. Но еще страшнее для него даже малейшее проявление мысли, что воплощается в милых его сердцу официальных циркулярах, содержащих различные запреты, которые для других людей, порой, смехотворны. «Футлярность» выходит за пределы бытового поведения человека, отражая мировоззрение существенной части общества, живущего при полицейско-бюрократическом режиме.

Но, несмотря на кажущуюся устойчивость характера Беликова, образы Чехова все же динамичны, и порой принимают неожиданные формы – Беликов меняется под влиянием «любви», зародившейся в его сердце после встречи с Варенькой. Но, к сожалению, метаморфозы были обманчивы. Очередное «как бы чего не вышло» поселяется в мыслях Беликова одновременно с раздумьями о женитьбе на Вареньке и в итоге, пресекает на корню подобие влюбленности.

Однако, вопреки ожиданиям, опасения Беликова подтвердились. Брат Вареньки, учитель Коваленко, спускает «жениха» с лестницы, а тот, в свою очередь, теряет галоши, чувствуя себя абсолютно незащищенным и уязвленным. Отметим реакцию Вареньки на открывшуюся перед ней

картину: «Варенька узнала его и, глядя на его смешное лицо, помятое пальто, калоши, не понимая, в чем дело, полагая, что это он упал сам нечаянно, не удержалась и захохотала на весь дом: Ха-ха-ха! И этим раскатистым, залихватным «ха-ха-ха» завершилось все: и сватовство, и земное существование Беликова» [Чехов: 2009, 214]. И развязка наступает более чем стремительно – учитель греческого не в состоянии выдержать публичный позор, возвращается к себе, ложится, и уж больше не встает. Но смерть «футлярного человека» Чехов не преподносит читателю как нечто трагическое, напротив, это расплата за ложное мировоззрение.

По мнению А.С. Волжского, «Человек в футляре» – «это высшая точка чеховского творчества, произведение, в котором творческий синтез художника выразился с особенной силой» [Волжский: 1903, 67]. Особо отмечал критик тот факт, что «человек в футляре» – «быстро привился к нашему литературному языку, стал нарицательным именем, излюбленным трофеем газетного обличения» [Волжский: 1903, 67].

По мысли критика, «Человек в футляре» явился обобщением всего творчества Чехова: «Повсюду в чеховских произведениях вы на каждом шагу встречаете различные виды власти футляра Беликова: чувства в футляре, мысли в футляре, футляры для общественных и личных отношений, в футляре вся жизнь» [Волжский: 1903, 68].

Жизнь Беликова искалечена социальными условиями, истрачена бессмысленно для самого себя и вредна окружающим. Панический страх перед проявлением жизненной позиции и минимальной социальной активности, отречение от нового и неизведанного и есть характерные, но губительные черты существования «людей в футляре».

Рассказ «Крыжовник» – о подобной жизни – стал обобщением всего русского мещанского быта. В начале рассказа рисуется величественный пейзаж – бескрайние поля, холмы. Но следом демонстрируется противопоставление – незначительная жизнь чиновника, заветная мечта

которого сводится к тому, чтобы приобрести небольшой участок, оградить себя от всех и есть «не купленный, а свой собственный крыжовник» [Чехов: 2009, 223]. Но подлинного счастья Чимше-Гималайскому это не принесло, а его брат, Иван Иванович, искренне возмущен приземленностью брата: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужно скорее трупу, а не человеку. Человеку нужно не три аршина земли на усадьбу, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он смог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» [Чехов: 2009, 225], тем самым выражая свою позицию относительно подлинных человеческих ценностей.

Чехов – мастер точной, прицельной детализации образов и бытописания, что в рассказе «Крыжовник», в первую очередь, выражается в описании «живых существ» усадьбы, всех, до одного, похожих на свиней: кухарка, рыжая собака, да и сам Гималайский – располневший, обрюзгший, который «того и гляди, хрюкнет в одеяло» [Чехов: 2009, 223].

Другой деталью, уже бытовой, является пресловутый крыжовник – неотъемлемая часть любой малой усадьбы. По Чехову, крыжовник – эпитет, позволяющий наиболее точно и полно раскрыть психологию Николая Ивановича. Для него кислый и жесткий крыжовник – слаще меда, ведь он свой собственный. И в этом заключается его напыщенность и самодовольство, и именно это так расстраивает Ивана Ивановича, делающего свой вывод о назначении человека в этом мире: «Пока молоды, сильны, бодры не уставайте делать добро!.. Если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро» [Чехов: 2009, 227].

Литературовед Фараджев высказывает следующую точку зрения: «В процессе работы писатель отверг вариант смерти чиновника от рака. Это выглядело бы как трагическая случайность. Отверг он и записанную им другую концовку: съел крыжовник, сказал: «Как глупо» – и умер. Это для

А.П. Чехова было слишком простым решением проблемы. В окончательном варианте чиновник остался жить, довольный собой» [Фараджев: 2001, 139].

Говорящие фамилии – одна из отличительных особенностей творчества А.П. Чехова, которая подчеркивает характеры персонажей, их жизненную позицию и положение в обществе. Такова и фамилия Червяков – героя рассказа «Смерть чиновника». Как и червяк, Иван Дмитриевич невероятно мал, жалок, незаметен, в какой-то мере «скользок» и неприятен, да и «раздавить» морально его столь же легко, как и обычного червяка. Вечное унижение, чрезмерное чиновничество и угодничество становятся роковыми для Червякова.

Такая мелочь, как случайно обрызганный генерал Брижжалов, не дает покоя мелкому чиновнику, он стремится загладить свою вину, но делает это чересчур назойливо: «Я его обрызгал! – подумал Червяков. – Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо» [Чехов: 2009, 38]. Именно страх перед начальником лишает Червякова чувства собственного достоинства и заставляет заискивать перед генералом. Скорее всего, перед равным себе чиновник не стал бы рассыпаться в извинениях, но в случившейся ситуации он самостоятельно унижается и лебезит. Однако генерал ведет себя очень сдержанно и вежливо, а Червяков, в свою очередь, считает, что к нему не отнеслись всерьез и продолжает попытки извинения в течение нескольких дней. Наконец, Брижжалов выходит из себя, и это становится ударом для жалкого чиновника: «–Пошел вон!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал

–Что-с? – спросил шепотом Червяков, млея от ужаса.

–Пошел вон!!! – повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и...помер» [Чехов: 2009, 40].

Для самого Чехова важнейшей частью жизни являлась цель, к исполнению которой и должен стремиться человек, а отсутствие цели или ее ничтожность – отличительный признак «маленького» человека. Писатель считал, что человек сам выбирает свой удел и лишь от него зависит, добьется он успеха или будет «существовать» в своей маленькой и неприметной жизни. Любовь, труд и стремление – вот те нематериальные основы, которые превращают «существо» в личность. В отличие от А.С. Пушкина, Чехов акцентирует внимание читателя на человеческом достоинстве «маленького человека» и его взаимодействии с «сильными мира сего», предоставляя ему право выбора – оставаться «маленьким» или же стать полезным обществу и самому себе.

О разбитом счастье, о том, как погибла «тихая, грустная» любовь, да и вся жизнь милого, интеллигентного человека, о том, «как не нужно, мелко и как обманчиво было все то, что... мешало любить» [Чехов: 2009, 57], говорит Чехов в рассказе «О любви».

Свободное по природе чувство любви окружается условностями, предрассудками, из-за этого разрушается счастье двух людей, гибнут две жизни. В мире маленьких, зависимых от судьбы людей, нет простора для живых человеческих чувств, гибнут люди с нежной душой, увядает их хрупкая любовь. И вывод напрашивается сам собой: «Видеть и слышать, как лгут, и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь, сносишь обиды, унижения, не смеешь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей. Приходится самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какой-нибудь выгоды – нет, больше жить так невозможно!» [Чехов: 2009, 59] К борьбе против пошлости, мелочности призывает нас Чехов, об этом все его произведения.

Рассказ «О любви» – это история о крушении любви земского помещика Алехина. Придавленный своими чувствами и переживаниями, живущий незаметной, ничем не примечательной жизнью, Алехин покорно

ждет милости от судьбы, постоянно надеясь на чье-то высшее волевое решение. Только в финале рассказа ему, слабому, безвольному, рефлексирующему, раскрывается большая истина: за любовь, за свое счастье надо бороться, надо измениться самому, надо преодолеть свою слабость, ничтожность, страх перед судьбой, и жить честно и открыто, чисто и свободно. «Маленькому человеку» это не дано, ведь по своей воле он стал рабом своей судьбы.

Разбирая «маленькую трилогию» в целом, А. Измайлов первый заговорил о переменах, ясно обозначившихся в творчестве Чехова: «В этих рассказах г. Чехов уже вовсе не тот объективист-художник, по-видимому, совершенно безучастно относящийся к изображаемому, каким он представлялся ранее <...> Всюду за фигурой рассказчика виден субъективист автор, болезненно тонко чувствующий жизненную нескладицу и не имеющий силы не высказаться. Мы сказали бы, что автор болен мировой скорбью, если бы значение этого последнего выражения не было так опошлено и избито <...> нам кажется, что настает серьезный перелом в творчестве г. Чехова, болезненно созревает в его душе что-то новое <...> Почти все без исключения рассказы его, написанные за последние годы, носят драматический характер, иногда возвышаясь до высокого трагизма. В самом выборе темы чувствуется, что его давят кошмаром и гнетут темные стороны жизни, которых он не может не видеть, и его пейзаж почти всегда запечатлен меланхолическою красотою» [Измайлов: 1898, 37].

Измайлов сопоставлял этот «перелом» у Чехова с тем, что пережили в свое время другие великие русские писатели: «...нам кажется, что в душе г. Чехова начинается тот перелом, который в свое время пережили многие из наших больших писателей, от Гоголя, Достоевского и Лескова до ныне здравствующего Л. Толстого и некоторых других художников слова, с тою только разницею, что в нем он начинается значительно ранее. Художественные задачи отходят на задний план, и ум устремляется к

решению вопросов этики и религии. Объективное, спокойное изображение действительности уступает место тревожному философскому обсуждению зол жизни, выступает на сцену не факт, но философия факта» [Измайлов: 1898, 39].

В рассказе Чехова «Попрыгунья» подобным «маленьким человеком» является доктор Дымов, супруг Ольги Ивановны, который до самой смерти был лишь ее тенью. Своего мужа, Осипа Степаныча Дымова, она презирает, не понимая гениальности и душевности этого человека. И лишь потеряв супруга, «благороднейшего человека» [Чехов: 2009, 75], Ольга Ивановна пытается осознать, что всю жизнь поклонялась пустейшим идолам, не понимала своего счастья, что живет рядом с умным, добрым, чутким, а вовсе не «маленьким» человеком. «Молчаливое, безропотное, непонятное существо, обезличенное своей кротостью, бесхарактерное, слабое от излишней доброты, глухо страдало где-то там у себя на диване и не жаловалось. А если бы оно пожаловалось, хотя бы в бреду, то дежурные доктора узнали бы, что виноват тут не один только дифтерит» [Чехов: 2009, 72]. Героиня, казалось бы, приходит к позднему прозрению. Она понимает, что невнимание к мужу и делу его жизни привело Дымова к гибели и плачет, жалея не Осипа Степаныча, а себя. Вряд ли она сможет еще найти такого бескорыстного и любящего человека, безропотно и терпеливо выполняющего все ее пустые прихоти.

Писатель не случайно отказывает Ольге Ивановне в позднем прозрении. Даже у смертного одра мужа она плачет не о гибели хорошего и умного человека, а о своей неприкаянности, сиротстве и одиночестве. Здесь позицию писателя высказывает один из героев – Коростелев, ближайший друг Дымова. «Умирает, потому что пожертвовал собой... какая потеря для науки! – сказал он с горечью. – Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем! – продолжал Коростелев, ломая руки. – Господи боже мой,

это был бы такой ученый, какого теперь с огнем не найдешь. Оська Дымов, Оська Дымов, что ты наделал! Ай-ай, боже мой!» [Чехов: 2009, 75]. И тут Ольга Ивановна понимает, что «прозевала»! Всю жизнь поклонялась лишь мнимым божкам, когда рядом жила «будущая знаменитость». Она так и не поняла, что «большая знаменитость» ничто перед большим сердцем и тонкой душой «маленького», так и не нашедшего сил противостоять этому человеку и равнодушию «большого» общества.

А. Липовский о чеховских героях сказал, что они «более поняты, чем обоснованы, т. е. все же обоснованы, но изнутри личности самого читателя как субъекта сотворческого сопереживания, а не со стороны персонажа» [Липовский: 1901, 23].

Чехов очень активно отступает от «аксиомы характерологичности литературного творчества» [Липовский: 1901, 23]. Г.Э. Лессинг в «Гамбургской драматургии» писал о том, что именно характеры героев заставляют автора произведения выбрать для описания то или иное событие, и что лишь характеры важны для поэта [Лессинг: 1936, 263].

Такое детальное рассмотрение концепции личности у Чехова, выявление подлинных причин его новаторского метода изображения героев должно помочь нам лучше разобраться в причинах того или иного поведения чеховских персонажей, в том числе и «маленького человека». Именно эта своеобразная чеховская концепция личности говорит нам о том, что для Чехова, в первую очередь, важны не внешние обстоятельства, не они определяют сущность героя, а внутренние личностные установки, которые каждый выбирает для себя сам.

Чеховский образ маленького человека мы видим и в рассказе «Хамелеон». Здесь новаторство заключается в изображении конфликта, или, скорее, в его фактическом отсутствии. Предметом изображения оказывается сам маленький человек как личность. Необычным оказывается выбор основной детали, характеризующей главного героя Очумелова. Для его

раскрытия Чехов использует большое количество повторений. Несколько раз меняется реакция Очумелова на происшествие, свидетелем которого он оказывается, в зависимости от ответа на вопрос: «Чья это собака?». Полицейский надзиратель представлен здесь как человек, с одной стороны, неподдающийся чужому влиянию, с другой – также обладающий стереотипом мышления. Для него все генеральское лучше «негенеральского». На примере образа полицейского А.П. Чехов обыгрывает русскую поговорку: «Бросает то в жар, то в холод». Очумелов постоянно просит своего подчиненного то снять, то надеть на него пальто, так как явно чувствует внутренний дискомфорт из-за неопределенности сложившейся ситуации.

А.П. Чехов переосмысливает образ маленького человека; к чертам, вызывающим жалость и сочувствие, он добавляет отрицательные качества, которые сам не приемлет. Это чиновничество, ограниченность мышления. Такое новое освещение этого образа делает его более выразительным и заставляет еще раз задуматься над его сущностью [Красухин: 2004, 11].

Рассказы писателя и посвящены исследованию различных граней духовного подчинения и рабства «маленьких людей», начиная от самых простых до сложнейших.

В чеховском повествовании среда перестала быть внешней, посторонней человеку силой, и персонажи зависят от нее в той мере, в какой сами же ее создают и воспроизводят. Поэтому у А.П. Чехова, в отличие от большинства других писателей, разрабатывавших именно тему конфликта со средой, так много рассказов о достигнутой цели, о сбывшейся мечте, о людях, добившихся «счастья». Чем полнее чеховский персонаж соответствует «среде», тем меньше он похож на человека.

А.П. Чехов дал множественный анализ причин, принуждающих людей к подчинению и неволе.

Таким образом, чеховский «маленький человек» – это тип не столько социальный или социально-психологический, сколько нравственный. Он существует в любой среде и в любом народе. Человек всегда должен оставаться человеком, нигде не терять своего достоинства и ценить других, прежде всего по человеческим качествам, а не по должностям.

3.2. Художественные отголоски проблемы «маленького человека» в русской литературе первых десятилетий XX века.

Тема «маленького человека» не исчезла с изменением политического режима в России, а лишь обрела новые черты и новое звучание. Мещанство в XIX веке казалось неким «болотом», «топившим» все самые светлые чувства и намерения человека. Но, общество – это динамично развивающаяся система. С наступлением XX века, века великих преобразований, трагедий и противоречий, революция в России ликвидировала старые устои и открыла для каждого человека широкие горизонты жизненных преобразований. Но противоречия, возвращенные революцией не только в пределах общества, но и в пределах одной семьи, разделили всю жизнь на «одну» и «другую». Революция имела резонанс для деятелей культуры – художников, писателей, композиторов, поэтов. Одним из таких писателей был М. Зощенко, который точнее и ироничнее многих других, в духе чеховских традиций, изобразил образ нового, «постреволюционного» «маленького человека». Хамство, ставшее нормой жизни, пропитало всю сущность человека, подчинило себе, оно было слито с бездушием, неуважением к другому человеку. Итогом такой трансформации человека стали эгоизм и игнорирование, поселившиеся в душах постреволюционных людей.

Одна из главных тем рассказов Зощенко – тема бездуховности обывателей, перекликающаяся с классическим толкованием проблемы «маленького человека». Главную жизненную позицию данного типа героя М.

Зощенко можно выразить цитатой из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова: «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами... В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. В его обитателей стремление одно – как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода» [Ильф, Петров: 1986, 389]. Именно это бесхитрое потребительское стремление и ряд других простейших условия существования определяют мировоззрение героев Зощенко.

Традиционно главным признаком «маленького человека» является низкое и подчинительное социальное положение, это человек, на которого никто не обращает внимания, которого не ценят, а он самостоятельно осознает свое незначительное место в жизни. Сам Зощенко представляет своего героя так: «по профессии своей он не то слесарь, не то механик, а может быть, и наборщик» [Зощенко: 2005, 120]. Многие герои являются крестьянами или выходцами из крестьян и их объединяет то, что они настолько свыклись и смирились со своим низким положением в социуме, своей незначительностью и даже ничтожеством, что совсем потеряли чувство самоуважения. Инструкции, приказы и бюрократические проволочки приобретают большую ценность, чем человеческая личность.

Показательна ситуация, описанная М. Зощенко в рассказе «История болезни»: больного с диагнозом «брюшной тиф» привозят в больницу, и первое, что замечает он в регистратуре, – яркий, заметный плакат на стене, с гласящей на нем надписью: «Выдача трупов от 3-х до 4-х». Едва придя в себя после шока, герой говорит фельдшеру, что «больным не доставляет интереса это читать» [Зощенко: 2005, 64], а в ответ слышит: «Если вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что здесь написано, вот тогда будете знать» [Зощенко: 2005, 64]. Далее медсестра приводит его в ванную комнату и

предлагает принять ванну, где уже находится какая-то старушка. Казалось бы, медсестра должна извиниться и отложить процедуру, но привычка видеть перед собой не людей, а безликих пациентов превалирует над здравым смыслом. Ввиду этого, она предлагает ему не стесняться, поскольку «в старой высокая температура, и она ни на что не реагирует» [Зощенко: 2005, 65]. «Маленький человек» погружен в механизм большой бюрократической машины, где до него никому нет дела, никто не задумывается о его чувствах, эмоциях, и, в целом, никого даже не волнует, выздоровеет он или нет. И где бы ни появился «маленький человек», он всюду будет чувствовать себя униженным: в магазине, в поликлинике, в жилищной конторе. Потому что в нем видят кого угодно – покупателя, пациента, посетителя, но не личность.

Какова же реакция героев Зощенко на подобное к ним отношение? В подавляющем большинстве случаев герои сатирических рассказов демонстрируют пассивную форму протеста против такого «низвержения» личности. Герой рассказа «Фома неверный», узнав, что на деньгах «мужик изображен. Ты (мужик), ваше величество, вместо царя изображен... Крестьянство в почете» [Зощенко: 2005, 279], долго не может поверить в то, что простого мужика наконец заметили и оценили. Развеять свои сомнения, он может только одним способом – испытать, насколько изменилось отношение людей к нему самому и делает он это единственным доступным ему по уровню культуры способом: криком сгоняет спящего пассажира с лавки: «Эй, шляпа, слазь со скамьи! Мне сесть надо». Человек в шляпе раскрыл глаза, оторопело посмотрел на Фому и сел. И, зевая и сплевывая, стал свертывать папироску. Фома присел рядом, отодвинул мешок и стал со вкусом жевать семечки, сплевывая шелуху на пол. «Не врут, – думал Фома. – Почет все-таки заметный. Слушают. Раньше, может, в рожу бы вlepили, а тут слушают, пугаются. Ишь ты, как все случилось, незаметно приключилось... Скажи на милость... Не врут» [Зощенко: 2005, 279]. Фоме

Крюкову неизвестно, что уважение к себе предполагает и уважение к другим, накладывая определенные рамки поведения.

Швейцар Ефим Щуркин («Человеческое достоинство»), получив от племянника указание не унижать собственного достоинства, воспринял этот совет как разрешение унижать достоинство тех, чью жизнь он должен облегчать. Апофеозом становится идея выпускать людей из здания партиями по десять человек.

Себя «маленький человек» Зощенко болезненно любит, всячески пытается похвалить или напроситься на похвалу. Вспомним хотя бы представление Назара Ильича из «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова»: «Я такой человек, что все могу... Хочешь, могу землишку обработать по слову последней техники, хочешь – каким ни на есть ремеслом займусь, – все у меня в руках кипит и вертится» [Зощенко: 2005, 30]. Не отстает от него и конторщик Винивитькин («Метафизика»): «Свободный он человек. До четырех да, перо и книги, а после-то Винивитькин – свободный орел. Вот захочет – закурит сейчас. Да и вообще, Винивитькину от девиц надоело отмахиваться» [Зощенко: 2005, 168].

Внутренний мир героев передается с помощью внешних маркеров: их речи, действий, реакций на внешние возбудители. Именно они становятся важнейшими средствами создания образа. Л. Ершов верно отметил, что «язык Зощенко, внешне обманчиво простой, на самом деле исключительно сложен. В нем одновременно представлены три пласта: авторский, рассказчика и героя» [Ершов: 1973, 53]. Язык рассказчика и героев максимально приближены к разговорному – обилие просторечных словечек, возгласов, повторений, оговорок, отступлений от предмета основного повествования, которые в совокупности создают комический эффект. Это легко проследить в рассказе «Жертва революции»: «Я пиджачишко накинул, похряпал на дорогу – и к ним. Прибегаю. Вваливаюсь, натурально, в комнаты. Гляжу – сама бывшая графиня бьется в истерики и по ковров пятки

бьет» [Зощенко: 2005, 226]. С другой стороны, герои рассказов М. Зощенко часто и некстати используют расхожие фразы, штампы. Газетный штамп, бюрократически-канцелярские стереотипы языка становятся у писателя излюбленными приемами разоблачения отсталого, бедного мира как героя-рассказчика, так и других персонажей сатирических новелл.

Несмотря на то, что неуклюжие в большинстве случаев попытки героев самоутвердиться воспринимаются писателем иронически, в целом, герои вызывают у М. Зощенко сочувственное отношение. Он с пониманием изображает мелкие проблемы и беды «маленького человека», его вечной борьбе с бытовыми неурядицами, попытками заявить о себе, о своей собственной индивидуальности и социальной значимости. В этом художник выступает продолжателем гуманистической традиции в изображении «маленького человека».

«При попытке проанализировать творческое наследие Н. Тэффи, становится очевидным, что «маленький человек» фигурирует в огромном количестве рассказов: предстает рядовым чиновником, участвует в революционных событиях, либо прячется от них; становится «хозяином жизни» в новом государстве, либо разделяет тяготы жизни в эмиграции. Писательница, продолжая классическую литературную традицию, ставит в центр своих произведений человека обыкновенного, глубоко несчастного» [Лиханова: 2014, 76]. В рассказе Тэффи «Даровой конь» маленький акцизный чиновник уездного городка Николай Иванович Уткин выигрывает лошадь. Комизм образа тесно связан с психологическим подтекстом. Для Уткина «счастливый» выигрыш – подарок судьбы; лошадь – символ честолюбивых мечтаний, довольно жалких притязаний «маленького человека» на какую-то иную жизнь: «Заинтересовалось и высшее начальство Николая Иваныча. – Эге, Уткин! Да вы вот какой! У вас теперь и лошадь своя! А кто же у вас кучером? Сами, что ли, хе-хе-хе! Уткин смутился. – Что вы, помилуйте-с. Ко мне сегодня вечером обещал прийти один парень. Все вот его и дожидался.

Знаете, всякому доверять опасно» [Тэффи: 1997, 155]. Смешные поступки Уткина, его желание выделиться из толпы, характерные для мелкого провинциального чиновника, цепочка событий неумолимо ведет к трагико-комическому финалу – Уткин не может выпутаться из сложившегося положения.

Комизм образа «маленького человека» строится на глубинном обнажении психологии человека, смех окрашивается нотами грусти. Герой оказывается в трудном положении: он бережет лошадь больше самого себя: «Лошадь ела очень много. Уткин боялся ее и в сарай не заглядывал. «Еще лягнет, жирная скотина. С нее не спросишь». Но гордился перед всеми по-прежнему. – Не понимаю, как может человек, при известном недостатке, конечно, обходиться без собственных лошадей. Конечно, дорого. Но зато удобство! Перестал покупать сахар» [Тэффи: 1997, 156]. Однако Уткин не может не понимать весь трагикомизм своего положения: «Что я теперь? – думал он, уткнувшись в подушку. – Разве я человек? Разве я живу? Так – пресмыкаюсь на чреве своем, а скотина надо мной царит. Не ем и не сплю. Здоровье потерял, со службы выгонят. Пройдет моя молодость за ничто. Лошадь все сожрет!» [Тэффи: 1997, 156]. И как результат осознания своей никчемности и ничтожности рассказ завершается трагически: Уткина от пережитых волнений разбивает паралич: «У Уткина отнялась левая нога и правая рука.левой рукой он написал записку: «Никого не виню, если умру. Лошадь меня съела» [Тэффи: 1997, 157]. Его «съела» не лошадь, а та система общественных отношений, при которой он вынужден изо всех сил тянуться, чтобы быть «на уровне».

В центре рассказа «Инкогнито» вновь появляется «маленький человек» – Овсяткин. Причем в самом начале можно найти аналогию с рассказом А.П. Чехова «Жалобная книга»: «Кондуктора долго-культяпинской железной дороги окончательно зазнались. Об этом печальном факте свидетельствовали все жалобные книги всех вагонов третьего класса...» [Тэффи: 1997, 186].

Далее Н. Тэффи использует чеховский прием – приводит высказывания пассажиров, передавая в одной фразе психологию, настроение, особенности речевой манеры героев: «А кондуктор всю дорогу от Цветкова до Культяпина оскорблял и меня, и весь мой багаж невыносимо», – жаловалась старуха-помещица. «Билеты прощелкивают с столь вызывающим видом, коего нельзя допустить и в цензурных словах описать невозможно», – доносил другой пассажир. «Кондуктор ваш лается, как лиловый пес, – просто и ясно излагал третий» [Тэффи: 1997, 187].

В рассказах В.М. Шукшина читатель также видит «маленьких людей» – чудака-изобретателя, вдохновенного рассказчика-лгуна, художника-самоучку, безграмотного писателя, к которым автор относится с трепетным чувством, именуя их «светлыми душами». Их мечтания и стремления, хоть и незначительные для общества, характеризуют этих «маленьких людей» как чистых, непорочных, с кристально чистыми помыслами.

Таков и Бронька Пупков из рассказа «Миль пардон, мадам!». Необычное, смешное имя – довольно распространенный прием среди писателей, повествующих о «маленьких людях». Сам Бронька недоволен своим именем и открыто говорит об этом: «Поп с похмелья придумал. Я его, мерина гривастого, разок стукнул за это. К такому имю надо фамилию подходящую. А я – Бронислав Пупков. Как в армии переключка, так – смех» [Шукшин: 2009, 146]. Живет Бронька в деревне, места знает хорошо знает, городских на охоте сопровождает. Односельчане такую ему характеристику дают: «Бронька Пупков... он у нас мастак по этим делам. С ним не соскучитесь. – И как-то странно улыбаются». История о покушении на убийство Гитлера выдумана от начала до конца, что не мешает «Герою Советского Союза Пупкову Брониславу Ивановичу» раз за разом с непередаваемым актерским мастерством выдавать изумленным «городским» подробности «громкого дела». Но, когда жена в очередной раз уличает Броньку в лживости его рассказа, он злится, «мрачноватый, готовый

выслушивать оскорбления и сам оскорблять». И не просто злиться, а еще и страдать и переживать. Почему он рассказывает эту историю со слезами на глазах? Да потому, что он не просто говорит, а «проживает» ее. В его душе живет жажда подвига, жажда чего-то большого, прекрасного, необычного, что так не похоже на его рутинную жизнь. Но подлинная трагедия его судьбы заключается в том, что он, «маленький человек», никогда не сможет жить той героической, полной уважения и опасности жизнью, которую самостоятельно себе создал. В этом и заключается причина его искренней убежденности в реальности описываемых им событий. Его рассказ и неподдельное восхищение слушателей (поначалу являвшееся недоверием) возвышают его веру в себя. Увлекательно и вдохновенно врет он своим слушателям, ища в этой истории подтверждения важности своего достаточно ничтожного существования. Бронька играет, он превосходный актер, и рассказ преображает его. Все, что есть еще светлого, романтического в душе этого, казалось бы, опустившегося человека, воплощается в этой нелепой истории, и сам себе он кажется чище, возвышеннее. Ведь на самом деле Бронька – добрый и жизнелюбивый, но его воображению тесно в жестких рамках обыденности, среди ежедневных бытовых забот.

В рассказах Шукшина подобные «странные люди» встречаются на каждом шагу. Это и Андрей Ерин с его микроскопом и жаждой спасти человечество от ужасных микробов («Микроскоп»), и Константин Смородин с картиной «Самоубийца» («Пьедестал»), и столяр Семка Рысь с мечтами о реставрации ветхой церквушки («Мастер»). Человек имеет право на мечты, пусть даже иллюзорные, потому что в мире нет ничего плоского и однозначного, а жизнь будет яркой, красочной, живописной лишь тогда, когда мы дадим себе труд поверить в это и увидеть ее изменчивость и многогранность.

Выводы по главе 3

В XIX веке широко распространенным было классическое трактование образа «маленького человека» – униженный, оскорбленный, всеми непонятый страдалец. Такое изображение «маленького человека» считалось правильным и неоспоримым, пока Чехов не совершил «литературный переворот» и вместе со своими героями – Червяковым, Беликовым, Ионычем, мужиками-бродягами и многими другими персонажами, оставившими в русской литературе гениальные образы чеховской прозы. Писатель не только пополнил список талантливых авторов произведений критического реализма, но стал новатором в области изображения своих героев. Одним из первых он показал, что главным в формировании личности является не адаптация в обществе, а желание и умение самореализоваться. Чехов заставил нас посмотреть на своего «маленького человека» не как на тип, а как на отдельного человека, тем самым предлагая задуматься о себе самих.

У Чехова мы встречаем большое разнообразие образов, но ни один из них не вызывал столько споров и рассуждений как его «маленький человек». О Беликове, например, Волынский писал: «Несмотря на то, что главные черты его представляются несколько надуманными и самый образ человека в футляре сбивается на аллегория, он производит глубокое впечатление. Можно сказать, что настроение автора — унылое, но вдумчивое — преобладает здесь над художественною живописью. За ним все время следишь и заражаешься им, потому что в нем есть глубокая лирическая правда <...> Чехов сумел пролить на эту уродливую, жалкую фигурку провинциального учителя мягкий туманный свет. В жизни таких людей презирают и гадливо побаиваются – совершенно так же, как это представлено в рассказе. Но вот художник с тонким чутьем подошел к этому гаденькому человеку и открыл в нем, под мертвой корой формализма и раболепия перед начальством, несчастную боязливую душу» [Волынский: 1900, 336].

Образы «маленьких людей», как и других типов героев сатирических рассказов М. Зощенко, отличаются значительным обобщением. Автор не

дает портретных характеристик, описаний привычек, характера героев, отсутствуют внутренние монологи героев, попытки раскрыть психологию «маленьких людей». В изображении данного типа, как заметил Л. Ершов, «у Зощенко главенствует мотив разлада, житейской нелепицы, трагикомической несогласованности героя с темпом, ритмом и духом времени» [Ершов: 1973, 42]. «Маленький человек», изображенный Зощенко, живет вне контекста исторического времени, за своими будничными хлопотами, не замечая тех изменений, которые происходят вокруг. Однако огромная заслуга писателя состоит в том, что ему удалось с помощью, на первый взгляд, мелких событий нарушить философские вопросы, проблемы человеческих отношений.

Тема «маленького человека» в трактовке Н. Тэффи адаптирована и по-своему гармонична в окружающей реальности. Образ «маленького человека» в рассказах Н. Тэффи характерен следующими чертами: в большинстве случаев это бедный, несчастный человек, обиженный на свою жизнь, которого очень часто оскорбляют высшие чины. Завершением для данного образа является то, что он, окончательно разочаровавшись в жизни, совершает безумные поступки, которые приводят его порой к смерти. Герой Тэффи – своеобразный тип человека, не исключителен, а зауряден. Комизм рассказа основан на неразрешимом конфликте мечты «маленького человека» и действительности, разрушающей эту мечту.

Тема «маленького человека» оставила неизгладимый след на творчестве В.М. Шукшина, который по-своему трактует данный тип героя. Его «чудиков» от обычных людей отличает то, что они чрезвычайно талантливы в своем «чужаестве» и красивы. А красивы они тем, что их судьбы слиты с народной судьбой, отдельно они не живут.

Проблема «маленьких людей», проходящая через все развитие отечественной словесности, выражает важнейшие качества русской литературы, и, прежде всего, оттеняет ее демократизм и гуманизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ «маленького человека» стал одним из самых широко представленных литературных типов XIX столетия. Писателей всего мира заинтересовал данный персонаж, и в связи с этим, он стал одним из выразителей особенностей эпохи. Судьба «маленького человека» обратила на себя внимание величайших русских писателей XIX века: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, писателей «натуральной школы» (Панаева, Галахова, Буткова), Чехова, приобретая новое звучание и новые описательные краски. Произведения о «маленьком человеке» несколько схожи, но все же с течением времени наблюдается трансформация образа, изменение авторской позиции и способы ее выражения (от сострадания к иронии и комизму). Но все же можно выделить общую черту: несчастный «маленький человек» стал заложником судьбы, ему не удалось улучшить свое общественное положение и жить в гармонии с окружающим миром и самим собой.

А.С. Пушкин – один из первых классиков, подробно остановившихся на образе «маленького человека». Автор еще на ранних стадиях своего творчества стремился продемонстрировать духовность персонажей вопреки общественному положению и социальным предпосылкам. По Пушкину, быть «маленьким человеком» – естественно и неизбежно. Героям открыто многое, но немного воспринято ими; они пытаются облегчить земную участь, лишь навлекая на себя еще большие страдания; стремясь к благу, не избегают греха; уходят из жизни глубоко подавленными в ожидании высшего суда; сама смерть оказывается желанней жизни. У А.С. Пушкина образ «маленького человека» глубоко реалистичен и правдоподобен.

Н.В. Гоголь, согласно пушкинским традициям, но со своим взглядом на сложившееся в обществе положение «маленьких людей», открывает перед читателями мир абсолютно несчастных в своем существовании мелких чиновников, и больших начальников, властителей мира и судеб

подчиненных. Острота проблемы заключалась в очевидности и несокрушимости бюрократических проволочек, проблемы социального неравенства. Произведения Н.В. Гоголя в очередной раз доказывают, что, по сути, все люди – «маленькие», которые являются незаметными составными частями большого механизма.

Особый тип «маленького человека» составляют герои повестей И.И. Панаева. Писатель сосредоточил свое внимание на негативных характеристиках чиновников: непомерные амбиции, стремление «ухватить» чин, «добыть копейку». Погоня за чинами, богатством, удовольствиями заставляет персонажей идти на «делку» с совестью: Терebenьев («Дочь чиновного человека»), Гребешков («Гля», Владимир («Прекрасный человек»), Разнатовский («Онагр», «Актеон»). Другой тип «маленького человека» – «лишнего человека» можно найти в повести А.Д. Галахова «Превращение» (чрезвычайная рефлексия героя позволяет отнести его и к категории «лишних людей»). Венельский – «маленький» по своему социальному статусу. Бедность и «труд по привычке» будто бы и смиряют его с действительностью, которая отнимает у него «естественное право» на богатство, славу, счастье, однако, это смирение оказывается внешним, продиктованным лишь амбициями, его неудовлетворенностью жизнью.

Анализ повестей Я.П. Буткова открывает творческие связи его произведений с повестями А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского (это в первую очередь проявляется в наличии общего для всех писателей мотива тщетности накопления «сокровищ земных»), а также приводит к выделению типологии «маленького человека» в повестях Якова Петровича.

В создании образов «маленького человека» Ф.М. Достоевского намечается некоторая тенденция к углубленному изучению процессов духовной бедности героев (от Макара Девушкина к Голядкину, Прохарчину и Мармеладову). Писатель сосредоточивает внимание на «ветхом человеке» (Голядкин, Прохарчин), включая в повествование мотив продажи черту души

(Прохарчин). Seriously автор подходит и к разработке темы тщетности накопления «земных сокровищ» (в этом обнаруживаются связи с творчеством Я.П. Буткова), противоречивости образа нищего богача. Здесь уже поднимаются и вопросы преступления («либеральные мысли», «вольнодумство») и наказания (постигающие героя несчастья, сумасшествия, «внезапная смерть») (от «Бедных людей» – к «Преступлению и наказанию»). Мотив доброго сердца «маленького человека» как следствие духовной бедности и пустоты, пошлости, намеченный уже в «Бедных людях», получает свое развитие в «Слабом сердце», «Ползункове».

Если другие писатели в изображении «маленького человека» делали упор на бесправном, униженном положении героев, то Достоевский, как справедливо заметил литературовед Г. Фрилендер, «остро почувствовал и выказал другую сторону их социальной драмы – каждодневное оскорбление человеческого достоинства. Но человек с ущемленным чувством достоинства внутренне глубоко противоречив. Едкое, жгучее чувство личного унижения, испытанное им, может, как понимает Достоевский, перерасти в душе «маленького человека» не только в ненависть к своим угнетателям, но и породит склонность к социальному юродству, властолюбивым «наполеоновским» или «ротшильдовским» мечтам, мстительному, дикому порыву злости, все сметающему на своем пути. И тогда, казалось бы, внешне мирный, незлобивый «маленький человек» может превратиться в тирана и деспота, в грозную опасность для общества и для самого себя» [Фрилендер: 1993, 106].

По А.П. Чехову, не царь и не общество виноваты в том, что человек заключил свою душу в «футляр», оставив снаружи оболочку приспособленца и ничтожества. Он ведь сам не захотел бороться за свою человечность, за место в обществе. С большим сочувствием Чехов относится к мужикам. Их жизнь он не пародирует, но и не доводит это сочувствие до слезливой жалости и банального возвышения народа. Суть остается та же. Мужик – тот

же «маленький человек», потому что не в состоянии выдать из себя раба.

Но случилось так, что чеховскую мысль долго не могли понять ни его современники, ни многие литературные деятели советской эпохи. Сначала это непонимание было связано с традициями критического реализма, установившимися благодаря предшественникам Чехова, позже в его произведениях многие искали следы воззрений господствующей власти, говоря о том, что многие его герои – жертвы самодержавия и неблагоприятной социальной среды. Но сам Чехов думал иначе, повествуя нам о духовной деградации своих «маленьких людей».

М. Зощенко своим толкованием образа «маленького человека» продолжает традиции русской литературы XIX века. В изображении данного типа писателем можно выделить как гуманистический, так и критический подход. С одной стороны, автор раскрыл то хорошее, что есть в душах «маленьких людей», показал, как остро они требуют внимания, уважения со стороны других, перевоспитания. Он показал влияние социальных потрясений на жизнь и психологию людей. С другой стороны, причины негативных социальных явлений М. Зощенко ищет, прежде всего, внутри самого человека. Корень зла, по мнению художника, следует искать во внутренней слабости и несовершенстве человека. Так М. Зощенко устанавливает главную задачу писателя – забота о духовной эволюции человека, его нравственное воспитание.

«Маленький человек» в изображении Н. Тэффи, его истинная сущность, настолько адаптирован и гармоничен в окружающей его реальности, которая имеет перманентную модальную оценку автора, что кажется достойным порождением и семантическим продолжением среды, воспитавшей его, но враждебно к нему настроенной. И если герои Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова могут рассчитывать на читательское сострадание в силу драматичности ситуации, в которую они попадают, то персонаж Н. Тэффи поставлен в ситуацию эпизода, составляющего

содержание отношений «социум-индивид» как перманентно антонимичные. И потому безликие, малозначительные герои в малой прозе Н. Тэффи составляют неотъемлемую часть среды, их внутреннее и внешнее содержание в изображении автора приобретает более жесткую интерпретацию.

Зачастую противопоставляя своих героев «большим людям», В.М. Шукшин показывает, что именно «маленький человек», как правило, и проявляет такие ценные человеческие качества, как честность, порядочность, любовь к родине, забота о судьбах государства. Самое же главное в шукшинском изображении маленького человека – это то, что он показывает нравственные процессы, идущие в среде обыденного сознания, раскрывает жизнь, наполненную напряженными поисками смысла и цели бытия. Шукшин редко демонстрирует читателям сентиментальное сочувствие «маленькому человеку», чаще репрезентируя его как личность, достойную уважения. В этом и состоит заслуга Шукшина, обогащение им традиций русской гуманистической литературы.

Исследователь Старков отмечает: «Именно они, «маленькие» люди, составляющие большинство страны, с энтузиазмом отнесшиеся к поставленной перед ними задаче разрушения плохого старого, но не умеющие приступить к строительству хорошего нового либо понимающие это строительство в первую голову как удовлетворение собственных ущемленных до революции потребностей, – именно эти, ничем особым не выделяющиеся люди и стали предметом преимущественного внимания Зощенко» [Старков: 1990, 25].

Отсутствие в «маленьком человеке» чувства собственного достоинства и стремление автора найти возможности для его пробуждения в «забитом существователе», иногда рождало противоположный тип «маленьких людей», амбициозных, в которых чувство собственного достоинства было доведено до крайних пределов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багиров Э.Г. Яков Бутков (жизнь и творчество) [Текст] / Э.Г. Багиров. – М.: Б.И., 1957. – 16 с.
2. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846-1847 года [Текст] / В.Г. Белинский. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 291 с.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах [Текст] / В.Г. Белинский. – Том III. Статьи и рецензии 1843-1848. – М.: ОГИЗ, 1948. – 549 с.
4. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина [Текст] / В.Г. Белинский. – М.: Советская Россия, 1984. – 94 с.
5. Белькинд В.С. Образ «маленького человека» у Пушкина и Достоевского [Текст] / В.С. Белькинд. // Пушкинский сборник. – Псков, 1968. – 148 с.
6. Берковский Н.Я. О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) [Текст] / Н.Я. Берковский. // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. – М.–Л.: 1960. – С.94-200.
7. Берковский Н.Я. Статьи о литературе [Текст] / Н.Я. Берковский. – М.–Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 329 с.
8. Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» [Текст] / С.Г. Бочаров. // О художественных мирах. – М.: «Сов. Россия», 1985. – С.35
9. Брандт Л.В. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым [Текст] / Л.В. Брандт. // Северная пчела. – 1846. – № 25. – 30 янв. – Отд. Русская литература. – С. 99.
10. Булгарин Ф.В. Журнальная всякая всячина [Текст] / Ф.В. Булгарин. // Северная пчела. – 1846. – № 27. – 1 февр. – Отд. Фельетон. – С. 107.

11. Бутков Я.П. Назидательное слово [Текст] / Я.П. Бутков. // Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым. – СПб.: 1845. – Ч. 1. – С. 1-16.
12. Вайль П. Смерть героя [Текст] / П. Вайль. // Знамя. – 1992. – № 11. – С. 228.
13. Вацуро В. Э. Повести покойного Ивана Петровича Белкина [Текст] / В.Э. Вацуро. // Записки комментатора. – СПб.: Академический проект, 1994. – С. 31-48.
14. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди» [Текст] / В.Е. Ветловская. – Л.: Худ. лит., 1988. – 208 с.
15. Ветловская В.Е. Трагедия Шинели [Текст] / В.Е. Ветловская. // Русская литература. – 1998. – № 3. – С. 11-17.
16. Волжский (А. С. Глинка). Очерки о Чехове [Текст] / А.С. Глинка. – СПб.: 1903. – 179 с.
17. Волкова Л.Д. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в школьном изучении [Текст] / Л.Д. Волкова. – Л.: 1977. – 175 с.
18. Волинский А.Л. Борьба за идеализм: Крит.ст. [Текст] / А.Л. Волинский. – СПб.: Изд. Н.Г. Молоствова, 1900. – 552 с.
19. Галахов А.Д. Повесть Сто-одного. Превращение [Текст] / А.Д. Галахов. // Современник. – 1847. – №7. – Т. 4. – С. 111–192.
20. Герцен А.И. Сочинения: В 4 т. [Текст] / А.И. Герцен. – М.: Правда, 1988. – Т. 2. – 414 с.
21. Глуховская И.И. «Сентиментальный натурализм» в русской литературе 40-х годов XIX века (проблема метода) [Текст] / И.И. Глуховская. Дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 1984. – 178 с.
22. Гоголь Н.В. Полн. соб. соч.: В 14 т. [Текст] / Н.В. Гоголь. – М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. – Т.13. – 1952 – 589 с.

23. Гоголь Н.В. (1809–1852). Авторская исповедь [Текст] / Н.В. Гоголь; Сост. Ж.С. Журибеда. – Псков: Всероссийский фонд культуры. Псковское отд-ние, 1990. – 128 с.
24. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя [Текст] / Г.А. Гуковский. М. – Л.: Худ. лит., 1959. – 530 с.
25. Гус М.С. Идеи и образы Ф.М. Достоевского [Текст] / М.С. Гус. – М.: 1962. – 512 с.
26. Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи [Текст] / Н.А. Добролюбов. – М.: Наука, – 1970. – 631 с.
27. Достоевский Ф.М. Бедные люди [Текст] / Ф.М. Достоевский. – М.: Искатель, 2016. – 96 с.
28. Достоевский Ф.М. Идиот [Текст] / Ф.М. Достоевский. – М.: Эксмо, 2016. – 640 с.
29. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках [Текст] / М.М. Дунаев. – М.: Престиж, 2003. – 1056 с.
30. Ермилов В.В. Ф.М. Достоевский [Текст] / В.В. Ермилов. – М., 1956. – 280 с.
31. Ершов Л.Ф. Из истории советской сатиры. М. Зощенко и Сатирическая проза 20-30-х годов [Текст] / Л.Ф. Ершов. – Л.: Наука, 1973. – 155 с.
32. Зощенко М.М. Собрание сочинений в четырех томах [Текст] / М.М. Зощенко. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – Том 1: Рассказы (Двадцатые годы). – 2005. – 560 с.
33. Измайлов А. Литературное обозрение [Текст] / А. Измайлов. – «Биржевые ведомости». – 1898. – № 234. – С. 38
34. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы [Текст] / И. Ильф, Е. Петров. – М.: Экономика, 1986. – 632 с.

35. Красухин К. Чины и награды персонажей в русской литературе [Текст] / К. Красухин. // Литература (ПС). – 2004. – №11. – С.11.
36. Купреянова Е.Н. А.С. Пушкин [Текст] / Е.Н. Купреянова. // История русской литературы в 4-х томах. – Л.: Наука, 1981. – Т. 2. – С.288-295.
37. Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия [Текст] / Г.Э. Лессинг. – М.: 1936. – 456 с.
38. Липовский А.Д. Представители современной русской повести и оценка их литературной критикой [Текст] / А.Д. Липовский. – «Литературный вестник», 1901. – № 5. – С. 23
39. Лиханова Л.В. Чеховская традиция в изображении типа «маленького человека» в малой прозе Н. Тэффи [Электронный ресурс] / Л.В. Лиханова // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XIV междунар. студ. науч.-практ. конф. – №7 (14).–Режим доступа:
[https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/7\(14\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/7(14).pdf)
40. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
41. Макогоненко Г.П. Избранные работы о Пушкине, его предшественниках и наследниках [Текст] / Г.П. Макогоненко – Л.: Худ. лит., 1987. – 640 с.
42. Мейлах Б.С. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / Б.С. Мейлах. – Л.: 1957. – С. 378.
43. Набоков В.В. Николай Гоголь [Текст] / В.В. Набоков. // Новый мир. – 1987. – № 4. – С. 222
44. Никитенко А.В. Библиотека для чтения [Текст] / А.В. Никитенко. – М.:1846. – № 3. – Отд. Библиографии. – С. 26.
45. Панаев И.И. Литературная тля (Не-повесть) [Текст] / И.И. Панаев // Отечественные записки. –1843. – № 2. – Т. 26. – С. 213-297

46. Панаев И.И. Родственники [Текст] / И.И. Панаев. Современник. – 1847. – № 2. – С. 254
47. Пушкин А.С. Пиковая дама. Повести [Текст] / А.С. Пушкин. – Воронеж, 1967. – 82с.
48. Сеньковский О.И. Бедные люди Ф. Достоевского [Текст] / О.И. Сеньковский. // Библиотека для чтения. – 1846. – № 3. – Отд. Литературной летописи. – С. 1-52
49. Старков А.Н. Михаил Зощенко: судьба художника [Текст] / А.Н. Старков. – М.: Сов.писатель, 1990. – 256 с.
50. Тэффи Н.А. Собрание сочинений [Текст] / Н.А. Тэффи. / Д.Д. Николаев, Е.М. Трубилова. М.: Лаком, 1997. С. 384
51. Фараджев К.В. Инфантильные страхи и бегство в бюрократию: «Конфуз» персонажей Чехова [Текст] / К.В. Фараджев. // Культурология: Дайджест. – М., 2001. – С. 139.
52. Фрилендер Г.М. Достоевский [Текст] / Г.М. Фрилендер. //История Всемирной литературы: В 8 томах /АН СССР; Институт мировой литературы имени А.М. Горького. – М., 1983-1994. –Т.2. – 412 с.
53. Храмцев Д.В. Пушкин и Достоевский [Текст] / Д.В. /Храмцев. // Журнал Самиздат от 06.09.2004. – С.37
54. Храпченко М.Б. Избранные труды. Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя [Текст] / М.Б. Храпченко. – М.: Наука, 1993. – 638 с.
55. Чехов А.П. О любви. [Электронный ресурс] /А.П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974-1982. – Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/rasskazy.htm>
56. Чехов А.П. Рассказы и повести [Текст] / А.П. Чехов. – М., 2009. – С. 38

57. Чистова И.С. Творчество Я.П. Буткова и литературное движение 1840-х годов [Текст] / И.С. Чистова. – Л.: 1973. – 128 с.
58. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 8 т [Текст] / В.М. Шукшин. Под общ. ред. О.Г. Левашовой. Т. 1: Рассказы 1958–1964. Посевная кампания. Живет такой парень. / Под ред. Д.В. Марьина. Барнаул: – 2009. – 351 с.
59. Юрьева Т.А. Ведь я червяк в сравнении с ним: Анализ рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника» [Текст] / Т.А. Юрьева. // Литература в школе. – 2009. – №2. – С.42.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Урок литературы в 8 классе.

Тема: «Прогулка по Невскому проспекту (тема «маленького человека» в повести Н.В. Гоголя «Шинель»)

Класс: 8

Цель: проследить традиции изображения «маленького человека» в русской классической литературе на примере творчества Н.В. Гоголя;

Задачи:

Обучающая: провести идейно-тематический анализ произведения; выработать навыки определения характера главного героя повести «Шинель».

Развивающая: создать условия для самостоятельной творческой деятельности учащихся; способствовать формированию аналитического мышления и навыков сравнения, обобщения; привить стремление к поисковой работе, сформировать навыки выразительного чтения и чтения по ролям, лексической работы, самостоятельной исследовательской работы с текстом, работы с музыкальными композициями.

Воспитывающая: сформировать нравственно-эстетические представления учащихся в ходе выявления особенностей мировосприятия героя

Тип урока: урок-экскурсия

Формы проведения: фронтальная, групповая, индивидуальная.

Оборудование: компьютер, проектор, презентация с достопримечательностями Санкт-Петербурга, обсуждаемыми во время урока; план-кроссворд заочной экскурсии; опорная карточка (дидактический материал); композиция «Невский проспект» Александра Розенбаума, композиция Бетховена «Лунная соната».

Предварительная работа: выразительное чтение обучающимися определенного эпизода или его художественный пересказ; предварительное задание для всех учеников – подбор примеров из текста со словом «даже».

Ход урока

1. Вступительное слово учителя о «Петербургских повестях»

«Петербургские повести отличаются насыщенностью социального содержания. Гоголь демонстрирует поведение человека в его социальном положении и в его служебной деятельности. Изображая «народонаселение» Петербурга, писатель находит индивидуальный подход, детально вглядываясь в разнообразные общественные слои

столицы. Мы можем наблюдать особенности чиновников различных рангов от высшей бюрократии до мелких служащих, богатой знати, городской нищеты, жадных купцов, глупых военных и т.д. Круг внимания автора расширяется. Перед Гоголем раскрывается действительность социально-материального неравенства, невероятных общественных противоречий, описывающих жизнь столичного города; и абсолютно точно можно утверждать – Гоголь первым обнаружил характерные признаки социально-экономических перемен, грядущих в стране. Внимание и симпатию автора привлекают люди обездоленные, бесправные по своей сути, испытывающие на себе гнет общественной несправедливости».

2. Постановка учебной задачи

Давайте совершим прогулку с вами

По Невскому проспекту Гоголя времен.

Неспешны дамы там с фонариками-рукавами,

Мундиры чинные меж ними – «Ах, я покорен!».

«Паркетом уличным» все величали Невский,

Бомонд здесь совершал вечерний променад –

Михайловская площадь, собор Адмиралтейский...

До этих пор проспект все любят – стар и млад!

Ребята, как вы уже поняли, сегодня я предлагаю вам совершить прогулку по Невскому проспекту, но не по тому, который является излюбленным местом для прогулок современных петербуржцев, а по Невскому проспекту времен Гоголя, по которому гуляют усы и бакенбарды, фраки и чиновничьи мундиры, дамские рукава, напоминающие воздушные шары. В наше время увидеть что-то подобное в этом месте не представляется возможным. Невский проспект простирается с запада на восток почти на 4,5 км и является одной из старейших улиц Санкт-Петербурга. Сегодня, как и несколько веков назад, Невский проспект посещают ценители искусства, музыки, кино, книг и театра. Он объединяет прилегающие 6 музеев, 5 театров, Ленинградскую филармонию им. Шостаковича, 10 кинотеатров, несколько библиотек, книжные магазины *(рассказ учителя дается параллельно с презентацией, демонстрирующей все перечисленные достопримечательности, Слайд 4-10)*.

Все достопримечательности, находящиеся на Невском проспекте, возникали еще в XVIII-XIX веках. Уникальный по размаху и гармонии ансамбль сложился в первой трети XIX века – в период расцвета Петербургского градостроительства. Создание архитектурных ансамблей Казанского собора и Адмиралтейства, площадей Михайловской и

Александринской (ныне площадь Искусств и Островского) и других превратило проспект в один из красивейших в мире. Четкие линии домов, монументальные храмы, дворцы, общественные здания, раскрытые к магистрали великолепные площади, торцевая мостовая, которую современники восторженно называли «уличным паркетом», общий ландшафтный дизайн – таков был облик Невского проспекта, о котором Гоголь писал как об «улице-красавице нашей столицы» (*Слайд 11-15*).

Звучит композиция Александра Розенбаума «Невский проспект»

Наша с вами прогулка по Невскому проспекту будет не совсем обычной, ведь совершим мы ее с помощью повести Н.В. Гоголя «Шинель», но так как экскурс по памятным местам мы уже совершили, то детальную характеристику города и эпохи в целом нам опишет маленький петербургский чиновник, Акакий Акакиевич, который обреченно бредет со службы через множество безликих фраков и мундиров, чувствуя себя лишним среди этой пестроты. Итогом прогулки станет ответ на вопрос: «Почему человек может быть так одинок среди людей?» (*Слайд 16*).

3. Заочная экскурсия по проспекту (работа с текстом)

- 1) Анализ эпитафии к уроку. «Главное, чтобы человеку было стыдно». Какова связь между эпитафией и повестью Гоголя?
- 2) На слайде презентации кроссворд (*открывается постепенно*) (*Слайд 17-18*)

Учитель: Что мы узнаем уже на первых страницах повести? Где служил чиновник?

Ученики: В департаменте (*открывается слово в кроссворде, ученики записывают слово «департамент» в опорную карточку.*)

Учитель: Итак, первая наша остановка в департаменте. Давайте познакомимся с одним чиновником, а с одним, потому что мы пока не знаем, как его зовут.

Пересказ детьми описания внешности «одного чиновника».

Учитель: Знакомство прошло успешно, обратимся к эпизоду из текста: «Вряд ли где можно было найти человека, который жил бы в своей должности. Мало сказать: он

служил ревностно, он служил с любовью. Там в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир». Отсюда вопрос: где с такой любовью служил Акакий Акакиевич?

Ученики: В департаменте, в канцелярии (*открывается слово «канцелярия» в кроссворде и записывается в опорную карточку*). Канцелярия станет следующим местом нашей остановки. Пересказ эпизода обучающимися.

Учитель: Ответьте на несколько вопросов:

– Кто же такой Акакий Акакиевич?

– В чем специфика его работы?

Ученики: Он вдохновенен, как художник. Выявляется несоответствие внутреннего состояния героя и рода его деятельности.

Учитель: – Кто повинен в этом?

– Была ли у Акакия Акакиевича возможность занять более высокую должность? Ученики: Возможен ответ детей о том, что ему предлагали повышение по службе, но он отказался.

Учитель: В чем причина?

Ученики: Его пугает большой мир, он живет, замкнувшись в маленьком обжитом мирке, переписывая бумаги, и в нем он – поэт. И все же общественные порядки безжалостно вторгаются в его существование, пронзая его своим ледяным холодом непонимания и жестокости.

Учитель: О чем речь в следующем эпизоде: «Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих 400 рублей в год жалованья или около того»? Что являлось сильным врагом?

Ученики: Петербургский мороз.

Учитель: Давайте представим себе, что мы оказались на улице в холод и представим, как тяжело обездоленным людям. А для этого следует сделать здесь следующую остановку (*открываем следующее слово в кроссворде – «улица», а дети записывают его в опорную карточку*).

Ученики пересказывают эпизод о морозе.

Учитель: Чем была для Акакия Акакиевича шинель?

Ученики: Защита от холода, престиж: воротник из куницы, пуговицы с двуглавым орлом.

Учитель: Шинель – это для героя вопрос жизни и смерти, физической и социальной, у Акакия Акакиевича появляется цель и смысл жизни – «построить шинель» (*в опорной карточке, в разделе лексическая работа, дети объясняют свое понимание словосочетания «построить шинель»*).

– Давайте отметим моменты душевного состояния Акакия Акакиевича, в момент обладания новой шинелью.

– Каким героем в повести становится Акакий Акакиевич после появления на нем новой шинели?

Ученики: Романтическим.

Учитель: Соответствует ли это жалкому существу?

Ученики: Нет, ведь рядом с ним нет близких людей. Именно шинель заменяет ему «подругу жизни», «друга», становится смыслом жизни.

Учитель: А теперь обратимся к речи и понаблюдаем за построением фраз.

Ученики: Читают подготовленные примеры, в которых Гоголь использует частицу «даже».

Учитель: В повести «Шинель» данная частица использована 73 раза. С какой целью?

Ученики: Она дает возможность проявить абсурдность ситуации – разве может шинель стать подругой, целью жизни.

Учитель: Что значит абсурд? (*дети пишут лексическое значение этого слова в опорной карточке*).

Ученики: Нелепость, бессмыслица.

Учитель: Акакий Акакиевич обрел цель, но она слишком ничтожна. Общество не предлагает ему иных целей. Но, в то же время, и шинель у него отобрали. Пришло время сделать последнюю остановку, свернуть на площадь и понаблюдать за развитием момента, перевернувшего жизнь Башмачкина (*в кроссворде открывается слово «площадь», записывается в опорную карточку*).

Ученики: Чтение эпизода «Кража шинели».

Учитель: При виде Акакия Акакиевича возникает мысль о том, что он шагает напрямик навстречу смерти. Какие детали обращают на себя внимание в описании площади?

Ученики: Пустынность, отсутствие людей (будочник где-то далеко), темнота.

Учитель: В результате душевных мучений Акакий Акакиевич умирает. Чем страшна эта смерть?

Ученики: Чтение эпизода «Смерть Акакия Акакиевича».

Учитель: Она равносильна исчезновению. А страшно оно тем, что никто не заметил смерти человека, у которого отобрали смысл существования.

4.Итог урока

Учитель: Наш урок подходит к завершению, давайте ответим на вопросы: «Что объединяет эпиграф урока с повестью?» и «Почему человек может быть так одинок среди людей?»

(Ученики дают сжатые ответы в опорных карточках, после чего их ответы выборочно зачитываются).

5. Взаимооценка

Учитель: А сейчас я хотела бы попросить вас дать оценку своим товарищам *(в опорной карточке дети оценивают работу на уроке своих одноклассников по категориям: выразительное чтение, художественный пересказ, активность на уроке, обоснование рисунков)*. Учитель выставляет оценки.

6. Домашнее задание

Учитель: В качестве домашнего задания я предлагаю вам несколько вариантов:

Мини-сочинения на тему (по выбору): «Зачем понадобилась фантастика в повести Гоголя «Шинель»?»; «Прогулка по Невскому проспекту»; «Главное, чтобы человеку было стыдно» (Из интервью с автором мультфильма «Шинель» Ю. Норштейном)

План прогулки

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____

Лексическая работа

1. «Построить шинель» _____
2. Абсурд _____

Проблемные вопросы

1. Какова связь эпиграфа с повестью Н.В.Гоголя «Шинель» _____
_____
2. Почему человек может быть так одинок среди людей? _____
_____

Взаимооценка

Фамилия, имя _____

Выразительное чтение _____

Художественный пересказ _____

Активность на уроке _____